

ВАСИЛЬЕВА Светлана Анатольевна

**ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТРИНЫ ПЕНИТЕНЦИАРИЗМА
В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(КОНЕЦ XVII – НАЧАЛО XIX ВВ.)**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Нижний Новгород – 2022

Работа выполнена на кафедре философии и истории федерального казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний».

Научный консультант

Репина Лорина Петровна,

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН

**Официальные
оппоненты:**

Креленко Наталья Станиславовна,

доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»;

Орлов Александр Анатольевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Ерохин Владимир Николаевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет».

Защита состоится «30» июня 2022 г. в 13.00 на заседании диссертационного совета Д 99.2.042.02 при ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», при ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, аудитория 320.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» и на сайте ННГУ: <https://diss.unn.ru/files/2022/1216/diss-Vasileva-1216.pdf>

Автореферат разослан «__» _____ 2022 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат исторических наук, доцент

Абидулин Алим Маратович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Среди проблем истории Нового времени одно из центральных мест занимает вопрос реформирования социально-экономической и государственно-правовой систем. Этот процесс затронул все институты государственной власти, в том числе те, которые обеспечивали защиту общества от преступных посягательств. Эпоха европейского Просвещения привела к радикальным изменениям в системе уголовного правосудия. Конец XVIII – начало XIX столетия принято считать временем рождения «эры карательной сдержанности», когда доминирующий вид уголовного наказания – смертная казнь – стал рассматриваться как средневековый анахронизм, не достойный высокоморального и цивилизованного общества. Классическая пенология фиксирует этот период как отправную точку становления национальных пенитенциарных систем – государственных институтов, ведающих исполнением уголовных наказаний, наложенных на граждан в соответствии с законом.

Первыми переход от карательных традиций уголовного правосудия – публичных казней, телесных наказаний, каторги и ссылки – к прогрессивным практикам тюремного содержания преступников совершили Великобритания и США. Идейным источником доктрин, обеспечивших революционный переворот в традиционном уголовном правосудии, послужило интеллектуальное наследие английских мыслителей XVII–XVIII вв., ставшее своеобразным фундаментом социальных реформ XVIII–XIX столетий. В открытой британскими интеллектуалами дискуссии о природе человека: происхождении добра и зла, сущности морали и причинах противоречивого поведения, а также об изменчивости нравственных принципов в зависимости от среды и воспитания – человек как объект познания был сведен с пьедестала «венца творения Божьего» и подвергнут всестороннему изучению, в том числе с помощью экспериментальных и механико-математических методов. В рамках подобного дискурса возникла тенденция трактовать социальные девиации типа бедности и бродяжничества, преступности и аморального поведения, которые особенно контрастно проявились в эпоху промышленного переворота, в качестве «нарушения в работе механизма», в том числе под влиянием негативных факторов социальной среды. Оптимистичная вера в возможность скорректировать работу «общественного механизма» нашла выражение в многочисленных проектах по созданию специально организованной управляемой среды, в условиях которой девиации могут быть устранены, а поведение человека усовершенствовано.

Именно в Англии сочетание идеалов Просвещения с традиционными ценностями протестантской этики привело к формированию современной парадигмы пенитенциаризма, определившей новые подходы общества и государства к исполнению уголовных наказаний: стремление к свертыванию репрессивных мер, подавляющих личность преступника, и направленность на реализацию принципов исправительного заключения. Распространение

подобных установок, в свою очередь, привело к появлению новой формы социальной институционализации – *пенитенциария*.

Соединенные Штаты Америки выступили своеобразной «социальной лабораторией» по практическому воплощению идей английских просветителей в первых тюремных моделях. В то время как Европа занималась идеологическим, методологическим и политико-правовым обоснованием необходимости преобразования уголовного правосудия, молодая республика, возникшая на просторах Нового Света, в рекордно малые сроки сумела на практике осуществить первую тюремную реформу. Именно в США в конце XVIII – начале XIX вв. появились исторически первые пенитенциарные учреждения, которые в корне изменили представления о методах и средствах тюремного заключения. В основу американских пенитенциарных моделей были положены принципы исправления осужденных в условиях обеспечения изоляции от общества в специализированных учреждениях – пенитенциариях, или реформаториях.

В XIX столетии англо-американские пенитенциарные практики вышли за пределы национальных пенитенциарных систем и впоследствии были заимствованы большинством европейских стран. Подобные институциональные изменения в системе исполнения уголовных наказаний в странах Европы и Америки носят собирательное название *пенитенциарные реформы* и рассматриваются в историко-правовой исследовательской традиции как единый общеевропейский процесс. К началу XX в. пенитенциарные реформы, инициированные британскими интеллектуалами и американскими практиками, можно было считать завершенными. Переход от карательных традиций Средневековья к системе исправления и реабилитации правонарушителя на практике был зафиксирован во всех европейских странах, в США и Российской империи. Постепенно под влиянием всех этих изменений система исполнения наказаний приняла четко выраженный исправительный характер, ее эффективность отныне определялась не зрелищностью пыток и казней, а осознанием неизбежности и неотвратимости наказания, а также специально организованным воздействием на личность осужденного преступника. Итогом реформ уголовного правосудия стал переход от эшафота как сдерживающего фактора преступности к *пенитенциарной системе*, главной целью которой было обозначено возвращение раскаявшегося и исправившегося правонарушителя в общество.

Однако уже в процессе реформирования национальных систем исполнения уголовных наказаний актуализировались все новые проблемы, необходимость решения которых запускала очередной этап пенитенциарных преобразований. Бесспорным признается тот факт, что и в XXI в. пенитенциарная реформа внесена в повестку дня большинства развитых стран, и правоведы, криминологи, педагоги, социологи и психологи стремятся найти оптимальное соотношение мер уголовно-правового воздействия, способных обеспечить защиту общества и предотвратить угрожающие обществу преступления.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в отечественной историографии до сих пор отсутствует специальное исследование генезиса

пенитенциарной системы в контексте социально-культурных и политико-правовых практик рассматриваемого периода. Изучение данного вопроса в отечественной пенологии представлено исключительно юридическими исследованиями¹, сфокусированными на формальной стороне права, которые представляют историю англо-американского уголовного правосудия XVIII столетия исключительно как историю норм, санкций, законов и постановлений. В соответствии с исследовательской традицией правового позитивизма юридические нормы рассматриваются как формально-юридические установления государства, взятые в искусственной изоляции от идейных комплексов и социальной среды, в которой эти идеи были укоренены и которая, безусловно, придавала им различное выражение.

Англо-американские тюремные модели во второй половине XIX в. были искусственно имплементированы в уголовно-исполнительную практику европейских стран и Российской империи, что придало тюремным реформам международное звучание. Подготовка к проведению отечественной пенитенциарной реформы (1862–1879 гг.) для российских исследователей-пенологов стала отправной хронологической точкой в научных изысканиях, что фактически исключило из сферы их научного интереса тот историко-культурный контекст, в котором заимствованные пенитенциарные модели прошли длительный этап идейного оформления. Возможно, именно в игнорировании этого фактора кроется причина провальных экспериментов и драматических поворотов, с которыми столкнулась российская практика реформирования системы наказаний в XIX–XX столетиях. Все это задает определенный вектор ревизии многих положений истории отечественного уголовно-исполнительного права и дает возможность заново переосмыслить происхождение и сущность современной пенитенциарной системы.

В настоящем диссертационном исследовании важнейшая реформа уголовного правосудия XVIII–XIX вв., становление социального института тюрьмы и связанные с ним властные отношения рассматриваются в контексте национальной уникальности социальных и культурных практик.

Объект исследования – идейный комплекс пенитенциарных преобразований, составляющих суть доктрины пенитенциаризма, и опыт практического воплощения оформленных концепций в первые прогрессивные модели тюремного содержания.

Предмет исследования – процесс эволюции базовых концептов теории пенитенциарного исправления в английской общественной мысли XVII–XVIII вв. и англо-американской уголовно-исполнительной практике начала XIX в.

Хронологические рамки исследования охватывают период конца XVII – начала XIX вв. Нижняя граница исследования обусловлена тем, что именно

¹ Филиппов М.А. История и современное состояние карательных учреждений за границей и в России. СПб., 1873; Фойницкий И.Я. Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии. СПб., 1881; Тепляшин П.В. Истоки и развитие английского тюремоведения : монография. Красноярск, 2005; Маруков А.Ф. Тюремная политика Англии и Уэльса: историко-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001; Андреященко Р.А. Пенитенциарная система Англии и Уэльса в XVI–XX вв.: историко-юридическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006 и др.

в конце XVII в. в английской системе уголовного права обозначились первые признаки системного кризиса. Уже современники определяли XVIII в. как «эпоху Кровавого кодекса», а первые исследователи называли такое законодательство «самым нелепым, самым безответственным и самым жестоким, которое когда-либо позорило цивилизованную страну»². В качестве попыток преодоления кризиса на всем протяжении XVIII в. в английском уголовном законодательстве шел непрерывный процесс экспериментирования, в ходе которого отрабатывались отдельные практики применения новых видов наказаний.

Верхняя граница исследования – рубеж 1810–1820-х гг. – обусловлена тем, что именно в этот период возникли прогрессивные модели тюремного содержания, впервые воплотившие на практике результат теоретико-методологического оформления основ доктрины пенитенциаризма.

Географические рамки исследования включают Великобританию, английские колонии в Америке (до 1776 г.) и государство США, преимущественно штаты Пенсильвания и Нью-Йорк как места возникновения одноименных пенитенциарных моделей.

Степень разработанности темы исследования. Историография заявленной проблематики, как отечественная, так и зарубежная, в целом представлена исследованиями *классического* (государственно-правового), *ревизионистского* и *контрревизионистского* направлений. Крайне сложно провести границу между источниками XIX в., содержащими подробное описание и первые оценочные характеристики англо-американского опыта, и историографией проблемы. Первые европейцы, специально прибывшие в США для изучения американских тюремных учреждений, первые россияне, командированные в Европу со сходной миссией, составили детальные отчеты о работе передовых пенитенциарных учреждений с комментариями о возможном применении прогрессивных тюремных моделей в родной стране³. В этих исследованиях предпринята первая попытка осмыслить англо-американский опыт построения государственной пенитенциарной политики, в том числе с точки зрения его *истории*. Следующим этапом унификации пенитенциарного опыта и интернационализации тюремных моделей стали международные пенитенциарные конгрессы XIX–начала XX вв. – съезды официальных и частных лиц, проводимые с целью обсуждения вопросов усовершенствования теории и практики исполнения уголовных наказаний. Уже в период конгрессов появляется первая специализированная научная литература: публикуется и анализируется тюремная статистика, учреждаются научно-практические журналы пенитенциарной направленности⁴, активно издаются брошюры,

² Stephen J.F. A General View of the Criminal Law of England. L. and Cambridge, 1863. P. 182.

³ Beaumont G. de, Tocqueville A. de. On the Penitentiary System in the United States and Its Application in France. Philadelphia, 1833; Галкин М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб., 1868; Пассек А.В. Проект о преобразовании тюрем. СПб., 1867.

⁴ Например, отечественное издание «Тюремный вестник» – ежемесячный журнал МВД России, издававшийся Главным тюремным управлением в 1893–1917 гг., печатался в типографии Санкт-Петербургской тюрьмы.

описания личных наблюдений, воспоминания, разного рода компиляции и первая конструктивная критика прогрессивных пенитенциарных практик⁵.

Одновременно можно констатировать появление первой историографической школы, предложившей классическое осмысление феномена пенитенциарных реформ. Ее особенностью стал интернациональный характер – сходство идейно-теоретических позиций и оценок представителей отечественной (дореволюционной) и зарубежной научной мысли объясняется общностью дискуссионных площадок международных пенитенциарных конгрессов. Так в историко-правовой науке были заложены основы *государственно-правового подхода* в оценке генезиса и характера реформ правосудия и системы наказаний. Представители классической школы криминологии и уголовного права связывают трансформацию отношений общества и государства к исполнению наказаний с идеями Просвещения, секуляризацией и утверждением гуманизма в качестве базового принципа человеческого общежития.

В процессе подготовки отечественной пенитенциарной реформы 1879 г. российские государственные деятели и юристы-правоведы проявили непосредственный интерес к изучению англо-американской практики исполнения уголовных наказаний. Анализируя английский опыт, известные ученые этого периода М. Галкин, И. Фойницкий, М. Филиппов, Д. Тальберг, С. Богородский, С. Гогель⁶ не только заложили основы российского тюрьмоведения, но и актуализовали нормативистский подход к пониманию и оценке эпохи европейских пенитенциарных реформ, который в настоящее время продолжает доминировать в отечественной пенологии.

Научным апогеем зарубежных исторических исследований в русле обозначенного классического подхода к проблеме можно считать совместный труд фабианских социалистов, супругов С. и Б. Уэбб «Местное самоуправление: английские тюрьмы»⁷ и первую часть фундаментального пятитомного произведения «История английских уголовных законов» Л. Радзиновича⁸. Авторы едины в оценке британских пенитенциарных реформ как кульминации прогрессивного движения за модернизацию и гуманизацию средневековой тюрьмы, придавшего импульс преобразованиям на континенте.

С момента формирования советской научной традиции отечественная и зарубежные историографические школы продвигались разными курсами, иногда сближаясь в критических оценках классического подхода к истории

⁵ Report on the Prisons and Reformatories of the United States and Canada Made to the Legislature of New York. Albany, 1867; Transactions on the National Congress on Penitentiary and Reformatory Discipline held at Cincinnati, Ohio. Albany, 1871; Report on the International Penitentiary Congress of London, held July 3–13, 1872. Washington, 1873; Мишле Э.И. Второй международный конгресс. СПб., 1878; Гольденвейзер А.С. Современная система наказаний и ее будущее по трудам Парижского пенитенциарного конгресса. Киев, 1896; Анненков М.Н. Международный тюремный конгресс и английские тюрьмы // Вестник Европы. 1873. Т. II. С. 706–765; Свод решений международных тюремных конгрессов Лондонского (1872 г.), Стокгольмского (1878 г.), Римского (1885 г.) и С.-Петербургского (1890 г.) // Тюремный вестник. 1894. № 5. С. 246–264 и др.

⁶ Фойницкий И.Я. Указ. соч.; Филиппов М.А. Указ. соч.; Галкин М.Н. Указ. соч.; Тальберг Д.Г. Исторический очерк тюремной реформы и современные системы европейских тюрем. Киев, 1875; Богородский С.О. Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII-го века. Т. I. Киев, 1862; Гогель С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюрьмоведения. Собрание исследований. СПб., 1906.

⁷ Webb S. and Webb B. English Prisons under Local Government. L. and N-Y., 1922.

⁸ Radzinowicz L. A history of English criminal law and its administration from 1750. Vol. 1. N-Y., 1948.

пенитенциарных реформ. Сторонники неклассического взгляда на рассматриваемую проблему в западноевропейской историографии объединены в условную исследовательскую группу приверженцев *ревизионизма*. В русле неклассического подхода ревизии были подвергнуты мотивы пенитенциарных реформ как исключительно гуманистические и оспорен ее основной результат – переход к исправительной системе наказаний – как безусловно-прогрессивный. Ревизионисты рассматривают возникновение пенитенциарных учреждений как следствие изменения экономической и социальной природы наказания. Одной из первых вариаций ревизионизма в зарубежной историографии стала криминологическая теория К. Маркса и его последователей. Сторонники этой концепции видят причину возникновения преступности в классовом расслоении общества, а причину перехода от смертной казни и телесных наказаний к принудительному труду в форме каторги, ссылки, галер и труда в условиях длительного тюремного заключения – в экономических интересах субъектов капиталистической системы. Становление принудительного труда рассматривается в связи с этим как один из источников трудовых ресурсов – закономерный итог развития капитализма в странах Европы⁹. Следует отметить, что в западной историографии, в отличие от советской, марксистскому подходу к анализу глубинных причин реформ уголовного правосудия уделяется несколько меньше внимания: критически воспринимая марксистские тезисы, эту теорию трактуют как одну из многообразных вариаций социологического направления в криминологии.

Советская наука испытывала большее влияние марксистской школы, нежели современные ей зарубежные исследования, и опора на основные тезисы марксистской криминологической теории в оценке возникновения системы принудительного труда прослеживается более явно. Советские тюрьмоведы и практики дополнили марксистскую пенитенциарную теорию идеологически окрашенным тезисом о «безграничных возможностях трудового воздействия на формирование личности», чем заложили основы советского исправительно-трудового права. В целом оно заимствовало методологию государственно-правового подхода, сформированного отечественными правоведом XIX – начала XX вв.: в трудах С. Познышева, Б. Утевского, М. Шаргородского¹⁰ кардинальная трансформация английского уголовного правосудия представлена как результат синтеза светских идей английских реформаторов, облеченных в форму пенитенциарных актов парламента.

Более популярной вариацией ревизионизма стала распространенная в европейской и американской историографии *теория социального контроля*. Отталкиваясь от работы знаменитого французского социального философа М. Фуко «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы»¹¹, исследователи анализируют установившуюся «бестелесность» уголовно-исполнительной

⁹ Rusche G., Kirchheimer O. Punishment and Social Structure. N-Y., 1939; Melosky D., Pavarini M. The Prison and the Factory: Origins of the Penitentiary System. L., 1981. P. 13–16.

¹⁰ Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923; Утевский Б.С. История уголовного права буржуазных государств. М., 1950; Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. Ч. 1. М., 1957.

¹¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 2021.

системы Нового времени в корреляции с системой координат новых властных отношений. Если целью и смыслом наказания в Средние века был карательный захват преступника и публичное причинение страдания, то реформированная система наказаний задумана таким образом, чтобы обеспечить применение закона не столько к реальному телу, способному испытывать боль, сколько к «политическому телу», обладающему правом на жизнь и свободу: «перестав быть искусством причинения невыносимых страданий, наказание становится экономией “приостановленных” прав»¹². Американский исследователь Д. Ротман рассматривал тюрьму как один из элементов всеобъемлющей социальной программы по контролю над девиациями в обществе наряду с психиатрическими больницами, школами, приютами и богадельнями¹³. Теория социального контроля стремительно набрала массу последователей, единодушных в оценке реформ конца XVIII столетия как отправной точки создания целого механизма контроля бедноты со стороны правящего класса посредством новых дисциплинарных институтов.

Для историографии вопроса 1980-х годов характерен *контрревизионизм*. В 1981 г. канадский историк русского происхождения М. Игнатъефф выступил с аналитической статьей, в которой подверг критике ревизионистов, в том числе свои предшествующие работы, за «упрощенный подход» к такой многосторонней проблеме, как становление тюремных режимов¹⁴. Он подчеркнул преувеличенное внимание ревизионистов к роли государства в пенитенциарном реформировании и утилитаризм в понятийном аппарате, сводящие сложные социальные процессы к выстраиванию «вертикали подчинения». Игнатъефф призвал к *новой социальной истории* и пересмотру устоявшихся взглядов на становление системы наказаний. Одновременно были последовательно подвергнуты критике те положения теорий марксистской направленности, которые обуславливали переход к использованию труда заключенных исключительно развитием капитализма и колебаниями рыночного спроса на этот ресурс¹⁵. Призыв к новой социальной истории пенитенциарных практик сфокусировал внимание историков на отдельных, ранее находившихся на периферии научных интересов, аспектах проблемы генезиса пенитенциарных реформ и инициировал целый спектр оригинальных исследований. Более подробно анализ степени изученности темы диссертационного исследования представлен в первой главе.

Цель исследования – комплексное изучение генезиса базовых идеологем пенитенциаризма, выявление основных направлений их эволюции в английской общественной мысли и интеграции в англо-американскую правовую систему, а также анализ опыта трансформации идей в социальные конструкты в уголовно-исполнительной практике.

¹² Фуко М. Указ. соч. С. 16.

¹³ Rothman D.J. The Discovery of the Asylum: Social Order and Disorder in the New Republic. Boston, 1971.

¹⁴ Ignatieff M. State, Civil Society, and Total Institutions: A Critique of Recent Social Histories of Punishment // Crime and Justice: An Annual Review of Research. Vol. 3. 1981. P. 153–192.

¹⁵ Platt A.M. Rethinking and unthinking «social control» // Inequality, Crime and Social Control / ed. by G.S. Bridges, M.A. Myers. Oxford, 1994. P. 72–79.

Задачи исследования вытекают из поставленной цели и научной актуальности изучаемой проблемы:

- выявить составляющие элементы концепции пенитенциарного исправления в английской общественной мысли XVII–XVIII вв. как базиса современной парадигмы уголовного наказания;
- систематизировать материалы зарубежной и отечественной историографии по заявленной проблеме, дать обзор направлений и специфики отдельных исследований, преодолеть доминирующее влияние нормативистского подхода к теме в российской пенитенциарной науке;
- раскрыть специфику конфессионального фактора в пенитенциарных реформах конца XVIII – начала XIX вв. как детерминанты, практически полностью исключенной из сферы научного рассмотрения и анализа, особенно в отечественной историографии и историческом правоведении, исследовать изменение ментальных установок в отношении преступников и узников в англо-американском социокультурном пространстве в рассматриваемый период;
- уточнить и систематизировать ряд теоретических, теологических и организационных аспектов, связанных с оформлением первых прогрессивных систем тюремного содержания – пенсильванской и обернской, проанализировать формы институционализации тюремной благотворительности и миссионерской попечительской помощи, впоследствии имплементированные в пенитенциарные системы европейских стран;
- проанализировать нормативные документы, закрепившие теоретико-методологические основы парадигмы пенитенциаризма в уголовно-исполнительном праве;
- раскрыть актуальность и степень валидности англо-американского пенитенциарного опыта для построения национальных пенитенциарных систем европейских стран.

Методологическая база исследования. Основная сложность работы состояла в том, что отечественные исследования в области пенитенциарной истории традиционно проводились с привлечением формально-юридических и сравнительно-правовых методов, соответствующих предметной области истории государства и права. Методологической основой диссертации выступают *принципы* историзма, системности, научной объективности, а также междисциплинарный подход, которые определили использование конкретного набора научных методов, сочетающего как традиционные, так и современные.

В работе автор прежде всего ориентировался на достижения таких направлений современных исторических исследований, как *новая культурная* и *интеллектуальная история*, которые Л.П. Репина характеризует как родственные постмодернистские тенденции в современной историографии¹⁶. Учитывая заявленные объект и предмет исследования, метод культурно-интеллектуальной истории, предполагающий постановку нетрадиционных вопросов к историческому источнику, представляется продуктивным в изучении истории идей пенитенциаризма в их тесной связи с конкретно-историческими

¹⁶ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 249.

условиями: социокультурным окружением и общими моральными и эстетическими ценностями эпохи. Интеллектуальная культура как «совокупность мыслительных привычек» исторически изменчива и с течением времени претерпевает значительные сдвиги, языками интеллектуальной культуры выступают идеи – религиозные, социальные, философские, политические, эстетические и т. д. Опора на методологические основы *истории идей*, изложенные американским философом А. Лавджоем в книге «Великая цепь бытия. История идеи»¹⁷, позволила вычленить «идеи-единицы»¹⁸ основных концептов пенитенциаризма и рассмотреть процесс их эволюции в контексте социально-культурных и политических практик. Обращение к интеллектуальным источникам, которые ранее не привлекались исследователями применительно к области пенитенциарной истории, – богословским текстам и проповедям, светской публицистике, визуальным образам, эссеистике и литературному творчеству, в том числе анонимных авторов и публицистов, позволило проследить появление концептов будущей реформы в широком социокультурном контексте гораздо раньше установленных в историко-правовой литературе хронологических границ.

В диссертации используется понятие *дискурса*, которое служит своеобразным маркером методологии социогуманитарного познания М. Фуко. Дискурс в данном случае рассматривается как «текст вместе с той социальной практикой, к которой он принадлежит и которая определяет способ обсуждения некоторой темы, образцы постановки проблем и подхода к ним, оправдания, обоснования, связи с другими темами и пр.»¹⁹ Предпринята попытка комплексного анализа совокупности дискурсов (консервативно-правового, реформистского, богословского, медицинского, утилитарно-прагматического), связанных с реформой системы уголовных наказаний. Привлекаются различные приемы работы с историческим текстом с учетом принципа исторической лингвистики, утверждающего, что любой текст не существует изолированно, а взаимодействует с другими текстами и воспринимается всегда на фоне определенного историко-культурного контекста. Метод критического дискурс-анализа позволил выделить сложившуюся к XIX в. систему норм и правил, условно зафиксировавших границы новой парадигмы уголовных наказаний.

Особую группу интеллектуальных источников исследования составляют тексты религиозно-проповеднического содержания, задача интерпретации которых потребовала применения специфического герменевтического подхода. По мнению С. Аванесова, такого рода тексты не просто передают сложный для понимания смысл, но и нередко заключают в себе несколько уровней смысла, иначе говоря, являются «многослойными» сообщениями, в которых можно выделить нарративный, нормативный и теологический компоненты²⁰.

¹⁷ Лавджой А. Великая цепь бытия. История идеи. М., 2001.

¹⁸ *Англ.* unit-idea.

¹⁹ Сокулер З.А. Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко // Философия науки и техники. 1998. Т. 4, № 1. С. 177.

²⁰ Аванесов С.С. Аллегорическое и буквальное в герменевтике сакрального текста // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 5 (25). С. 55–60.

Необходимость точного понимания языка пенитенциарных реформ, т. е. понятий, которые использовали современники изучаемой эпохи для выражения своих намерений и обоснования практических действий, обусловила обращение к методологии *истории понятий*. Сравнительный анализ трактовок и взаимосвязей базовых концептов исправительного содержания позволил выявить каналы трансфера основных понятий пенологии, определить разницу между намерениями и действиями реформаторов и их языковым выражением, обнаружить смысловые акценты, которые возникали в процессе освоения новых идей.

Немаловажное значение принадлежит *личностно-психологическому подходу*, так как в формулировке основных концептов пенитенциарного исправления и складывании первых тюремных моделей большая роль отводилась личностному фактору, который определял видение конечной цели новой системы уголовных наказаний. С помощью методологических приемов парадигмы «*другой социальной истории*»²¹ представилось возможным совместить анализ становления социального института тюрьмы с анализом поведения конкретных индивидов в рамках этого института.

Хотя данное исследование главным образом основывается на принципах культурно-интеллектуальной истории, фокусируясь на углубленном чтении текстов, оно было бы невозможно без использования традиционных методов исторического исследования. В диссертации использовались как общенаучные методы исследования, так и специальные исторические: *проблемно-хронологический, системного анализа, ретроспективный* подход. *Историко-сравнительный метод* необходим при выявлении сходств и различий в идейно-теоретических основах первых пенитенциарных моделей, на базе *историко-типологического* метода представилось возможным выявить их доктринальные основы и универсальные характеристики, имплементация которых в европейские национальные системы уголовных наказаний привела к интернационализации англо-американских пенитенциарных практик.

Научная новизна исследования определяется проведением комплексного анализа идейного содержания и опыта практического воплощения англо-американских пенитенциарных реформ, которые в отечественной науке ранее рассматривались исключительно в исследовательском поле историко-правовых дисциплин. Впервые в отечественной историографии рассмотрены классическая, ревизионистская (в том числе марксистская) и постревизионистская концепции в изучении пенитенциарной истории Англии и США в современной англо-американской историографии. Использование в анализе генезиса и эволюции идей пенитенциарных преобразований XVIII – начала XIX вв. разнообразного междисциплинарного инструментария и современных методологических принципов исторического исследования дало возможность значительно расширить источниковую базу, открыть новые имена в пенологии и описать их интеллектуальный и практический вклад в становление теоретико-

²¹ Репина Л.П. Теоретические новации в современной историографии // Харківський історіографічний збірник. Т. 10. 2010. С. 17–28.

методологических основ современной системы уголовных наказаний. Предложена и обоснована гипотеза о доминирующем влиянии протестантского мировоззрения на процесс становления системы исполнения наказаний в Англии и США, которая, в свою очередь, вносит коррективы в имеющиеся концепции унифицированного понимания секулярного характера общеевропейских правовых реформ. В ходе работы над диссертацией также была проведена тщательная обработка большого по объему и разнообразного по содержанию материала, исследован широкий спектр источников, ранее не введенных в научный оборот, и научной литературы, опубликованной на русском и иностранных языках. В диссертации на основании исследования первого опыта воплощения интеллектуальных идей в социальные модели показана утопичность некоторых принципов исправительного содержания, первые прогрессивные тюремные режимы проанализированы с учетом сложившейся дихотомической раздвоенности «возмездие – исправление».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Основное противоречие эпохи «Кровавого кодекса» в Англии, которое разрешила кардинальная реформа уголовного закона в первой четверти XIX в., состояло в том, что «кровавым» был сам *кодекс* – сводный законодательный акт, систематизировавший сходные правовые нормы, но не основанное на нем *исполнительное* правосудие. В течение XVIII в. в английском уголовном законодательстве шел непрерывный процесс экспериментирования, отрабатывались отдельные практики новых видов уголовных наказаний. Назревшая реформа уголовного закона и системы наказаний должна была решить проблему роста преступности, не только максимально сохраняя преступнику жизнь, но и в географических границах Британского острова, а также достичь триединой цели: возмездие, восстановление социальной справедливости и превенция потенциальных преступлений. Тюремное заключение как вид наказания наиболее полно отвечало заданным опциям, но для этого требовалось не только обновление нормативной базы, но и разработка принципиально новой «духовной надстройки» – философии, идеологии и теологии наказания.

2. Формирование базовых идеологем пенитенциаризма, впоследствии трансформированных в фундирующие принципы современных национальных пенитенциарных систем, является результатом синтеза идей раннего английского Просвещения с аксиологией и этикой английского протестантизма. На основании изучения обширной источниковой базы установлено, что идеи и инициативы, обеспечившие кардинальный пересмотр пенологических доктрин – от возмездия к исправлению, курсировали в идеологическом и культурном пространстве Англии уже в XVII в., что может стать основанием для пересмотра некоторых положений современной отечественной пенитенциарной науки.

3. Многообразие методов борьбы с растущей преступностью, предложенных и обоснованных английскими интеллектуалами и богословами, можно условно представить в виде противостояния сторонников ретрибутивного и гуманистического подходов. В представлениях консервативных приверженцев уголовной репрессии система наказаний призвана устрашать человека, формировать у него неотвратимый ужас ожидания возмездия и таким образом

сдерживать его от совершения преступления. Эту концепцию поддерживали сторонники ортодоксального пуританизма, которые интерпретировали суровое наказание (смертную казнь, каторжный труд, тюремное заключение) как восстановление нарушенного Завета, своеобразный ритуал отмщения и возмещения за причиненное зло.

4. Сторонники гуманистического подхода выдвигали принцип исправления преступника как базовую ценность и идеальную цель уголовного наказания в виде лишения свободы, что коррелировало с позицией приверженцев нового евангелизма, убежденных в возможности спасения каждого через покаяние и обращение. В соответствии с пересмотренной пенологической доктриной тюрьма рассматривалась как управляемая окружающая среда, наилучшее место и условие морального перерождения преступника.

5. Становление государственности в Соединенных Штатах Америки представило идеальные общественно-политические и экономические условия для социального эксперимента по имплементации теоретических идей британского Просвещения в прогрессивные пенитенциарные практики. В процессе складывания первых тюремных моделей – пенсильванской и обернской – были выявлены утопизм и внутренние противоречия в идейной платформе пенитенциарной реформы, что, в свою очередь, привело к тому, что пенальные практики стали источником коррекции норм, заложенных в институт современной тюрьмы.

Практическая значимость исследования. Результаты диссертации позволяют восполнить ряд пробелов в понимании истории реформирования социально-экономической и государственной системы европейских государств в Новое время и пересмотреть некоторые укоренившиеся представления об особенностях становления института тюрьмы. Предлагаемый в исследовании подход к изучению истории пенитенциарных практик Великобритании и США может быть применен в изучении отечественного опыта построения национальной системы уголовных наказаний. Материалы работы могут быть использованы в преподавании истории Нового времени, истории уголовно-исполнительной системы, уголовно-исполнительного права, пенитенциарной педагогики, при подготовке общих и специальных курсов, а также стать основой для отдельных разделов при написании монографий, учебников по истории права и пенологии.

Апробация материалов исследования. Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в двух монографиях, 26 статьях, опубликованных в ведущих российских рецензируемых журналах, из которых 14 – в журналах, входящих в международные наукометрические базы; материалы диссертации представлены также в ведомственном журнале Федеральной службы исполнения наказаний. Положения диссертации содержались в докладах с последующей публикацией материалов на шести конференциях и семинарах, проводимых ИВИ РАН; на двадцати двух международных научных конференциях (2008–2021 гг., в том числе на пяти международных пенитенциарных форумах); тринадцати Всероссийских научных конференциях (2007–2020 гг.), а также региональных

научных конференциях (2008–2019 гг.), проходивших в учебных и научно-исследовательских организациях Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Рязани, Вологды, Владимира, Арзамаса, Минска, Могилева. Общий объем свыше 100 п. л. Автор приняла участие в подготовке 11 статей по пенитенциарной тематике для энциклопедического словаря «Протестантизм» издательства «Энциклопедия». С 2013 г. автор входит в состав Научно-экспертного совета Центральной постоянно действующей экспозиции по истории уголовно-исполнительной системы, курирует комплектование фондов экспозиции. Материалы диссертации, монографий и научных статей были востребованы при формировании фонда научной литературы экспозиции и наполнении контента ведомственного сайта ФСИН России <https://fsin.gov.ru/history/>. В 2013–2014 гг. автор являлась соисполнителем по гранту РГНФ (проект № 13-11-62002), посвященному исследованию региональных особенностей пенитенциарных учреждений и структур.

Текст диссертации был обсужден и рекомендован к защите на совместном заседании кафедры философии и истории Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний и кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, разделенных на 12 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования и показывается степень ее изученности, определяются цели и задачи, объект и предмет исследования, его хронологические рамки и понятийно-терминологический аппарат. Формулируются концептуальная основа и методологическая база исследования, раскрываются научная новизна и практическая значимость работы, сформулированы положения, выносимые на защиту, дается общая характеристика структуры работы.

В **первой главе «Становление англо-американской пенитенциарной системы: источники и историография»** характеризуется источниковая база исследования и анализируется научная литература по теме.

В **первом параграфе «Источниковая база исследования»** показано, что в основу исследования положены материалы XVI–XIX вв., часть из которых впервые вводится в научный оборот. Источниковая база исследования состоит из нескольких групп. Во-первых, это *официальные документы*. Сюда входят тексты нормативно-правовых актов: законопроекты и парламентские акты²², отчеты

²² A Practical Treatise on the Criminal Law: Comprising the Practice, Pleadings, and Evidence which Occur in the Course of Criminal Prosecutions / by Ch. Joseph. Vol. 1–4. L., 1826; The Statutes at Large, England Great Britain from Magna Carta to the Union of the Kingdoms of Great Britain and Ireland. Vol. XIV. 1775–1779. L., 1811; The clergyman's assistant, being a collection of statutes, ordinances, and forms, with notes and references, relating to the rights, duties, and liabilities of the clergy. Oxford, 1828; Statutes at Large of Pennsylvania 1682 to 1801. Vol. XII–XIII.

специальных комиссий и комитетов по результатам инспектирования тюрем, мониторинга преступности и состояния правоохранительных органов²³. В числе наиболее ценных публикаций следует также назвать справочники, которые издавались как практическое руководство для мировых судей по юридическим вопросам, – уникальные гайды по тонкостям английского прецедентного права, как для тех, кто осуществлял правоприменительную практику, так и для исследователей²⁴. Официальные документы представлены также парламентскими материалами – «Парламентской историей», составленной английским историком У. Коббетом, и журналами палаты общин²⁵. Многотомное издание воспроизводит ход дискуссий вокруг реформы уголовного закона и системы наказаний, позволяет отследить проявление основных концептов пенитенциарного исправления в общественно-политическом дискурсе. Наконец, к официальным документам отнесем весьма информативные отчеты о судебных процессах Олд-Бейли²⁶.

Вторая группа источников – продукты религиозной, научной, общественной и государственно-правовой мысли. Ввиду обширности данного корпуса источников имеет смысл разделить их на несколько подгрупп. Первая из них – *религиозная литература и публицистика* – представлена проповедями, эссе, сочинениями-рассуждениями на темы, связанные с правосудием, наказанием и воздаянием, покаянием и искуплением²⁷. Подобного рода

Harrisburg, 1906; Laws of the State of New-York, Passed at the Forty-second, Forty-third and Forty-fourth Sessions of the Legislature. Vol. I–V. Albany, 1821 etc.

²³ A report from the committee appointed to require into the state of the goals of the kingdom relating to the Marshalsea prison and farther relating to the Fleet prison with the resolution of the House of Commons. L., 1729; Report from the Committee on the state of the police of the metropolis: with the minutes of evidence ... and an appendix, containing abstracts of the several acts now in force for regulating public houses, also, the Proceedings of the Common Council of the city of London for clearing the streets of vagrants, prostitutes, idle and disorderly persons. Ordered by the House of Commons to be printed, July 1, 1816. L., 1816; Report of the Select Committee on Criminal Laws Relating to Capital Punishment in Felonies. L., 1819; Report on the Prisons and Reformatories of the United States and Canada Made to the Legislature of New York. Albany, 1867 etc.

²⁴ An Abridgment of Penal Statutes, which exhibits at one view, the offence; the punishment, or penalty annexed to that offence; the mode of recovering and application of the penalty; the number of witnesses and justices necessary to convict the offender; with a reference to the chapter and section of the enacting statute / by W. Addington. 2nd ed. L., 1782; The Country Justice: Containing the Practice, Duty and Power of The Justices of the Peace, as well in as out of their sessions / by M. Dalton. L., 1746 etc.

²⁵ The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the year 1803 / ed. by W. Cobbett, J. Wright. Vol. XVIII: 1774–1777; Vol. XIX: 1777–1778; Vol. XX: 1778–1780. L., 1813; Journals of the House of Commons. Vol. 32–45 (1732–1790). L., 1803; Hansard online. The official report of all Parliamentary debates. URL: <https://hansard.parliament.uk/>

²⁶ The Proceedings of the Old Bailey, 1674–1913. URL: <https://www.oldbaileyonline.org/static/Publishinghistory.jsp>

²⁷ Certain sermons or homilies appointed to be read in churches in the time of Queen Elizabeth of famous memory and now reprinted for the use of private families, in two parts. L., 1687; Dawes W. The objections against the eternity of Hell-torments. 2nd ed. Part VI. L., 1707; Blackall O. The divine institution of magistracy, and the gracious design of its institution. L., 1709; Bisse T. Jehoshaphat's charge. A sermon preached at the assizes held at Oxford, July 12, 1711. Oxford, 1711; Cobden E. The Duty and Reward of Turning Others to Righteousness: A Sermon Preachers to the Societies for the Reformation of Manners. L., 1736; Ballard R. The Necessity of Magistracy from the Vices of Mankind. An Assize Sermon Preached at Kingston Upon Thames. L., 1745; Aitkin D. A General Reformation of Manners, the best national defense in the time of danger. A sermon preached on the 28th of February; the day appointed by His Majesty for a public fast. Berwic, 1794; Danforth S. The cry of Sodom enquired into; upon occasion of the arraignment and condemnation of Benjamin Goad, for his prodigious villany. Together with a solemn exhortation to tremble at Gods judgements, and to abandon youthful lusts. Cambridge [Mass.], 1674; Mather I. The wicked mans portion, or, A sermon wherein is shewed that excesse in wickedness doth bring untimely death. Boston, 1675; A sermon occasioned by the execution of a man found guilty of murder / by I. Mather, teacher of a church of Christ. Exhortation to a condemned malefactor. Boston, 1686; Christ's promise to the penitent thief. A sermon preached the Lord's-Day before the execution of Levi Ames, who suffered death for burglary, Oct. 21, 1773 / by A. Eliot, D.D. Pastor of a church in Boston. Boston, 1773 etc.

публицистика задавала культурный контекст: поддерживая в сердцах и умах людей постоянное ощущение страха перед Провидением, культивируя с раннего детства систему мыслимых и немыслимых наказаний и воздаяний, религия являлась ключом к гражданскому повиновению и законопослушанию, одним из столпов правосудия. В этой подгруппе источников особо следует выделить трактаты, в которых авторы, облеченные священным саном, формулировали теологию тюрьмы – религиозные воззрения, направленные на истолкование заточения как испытания и искупления²⁸.

Вторая подгруппа источников – *эссеистика* – представлена философскими и социально-правовыми трактатами, содержащими как эпизодичные размышления на тему противодействия преступности и совершенствования пенальных практик, так и обстоятельные проекты реформирования системы уголовных наказаний. Многообразные трактаты, памфлеты, сочинения и проекты условно можно разделить на консервативные и реформаторские. В ультраконсервативных эссе апологеты «Кровавого кодекса» не только приветствовали ужесточение наказаний и эскалацию высшей меры – смертной казни, но в качестве «совершенствования» законодательства и усиления устрашающего и дидактического эффекта предлагали предварять казнь мучительными пытками, ускорять исполнительное производство и свести к минимуму практику помилования²⁹. Сторонники консервативного реформизма – Б. Мандевиль, Д. Дефо, братья Филдинги, У. Пейли, У. Ромейн, М. Мэдан – не считали сферой своей компетенции изменение существующего уголовного кодекса, но сходились на том, что только неукоснительное соблюдение существующих законов, какими бы суровыми они ни казались, станет эффективным средством превенции преступлений³⁰.

В сочинениях интеллектуалов-реформаторов вызревали базовые концепты пенитенциарных преобразований, формировалась идеология и практика будущей тюремной реформы. Предложения использовать труд арестантов, базирующиеся на положениях меркантилизма, начиная с XVII в. звучали в трудах Т. Старки,

²⁸ Brewster J. Sermons for prisons. To which are added prayers for the use of prisoners in solitary confinement. Stockton, 1790; Cennick J. The Lost Sheep, Piece of Silver, and Prodigal Son. Being the substance of a discourse. Dublin, 1770; Grey R. The Encouragement to Works of Charity and Mercy, from Christ's Acceptance of Them as Done to Himself. Northampton, 1744; Brewster J. Meditations for penitents: for those engaged in the important duty or self-examination, to which is added, an assize sermon, with an appendix. L., 1813; Stanford J. A Catechism for the Improvement of Youth in the State Prison of New York. N-Y., 1814; Stanford J. The Prisoner's Companion. N-Y., 1827 etc.

²⁹ См., напр.: Anon. Hanging, Not Punishment Enough, for Murtherers, High-way Men, and House-Breakers. Offered to the Consideration of the Two Houses of Parliament. L., 1701; Ollyffe G. An essay humbly offer'd, for an Act of Parliament to prevent capital crimes, and the loss of many lives; and to promote a desirable improvement and blessing in the nation. L., 1731.

³⁰ Mandeville B. An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn. L., 1725; Moreton A. [D. Defoe] Second Thoughts are Best: Or a Further Improvement of a Late Scheme to Prevent Street Robberies. L., 1729; Fielding H. An Enquiry into the Causes of the Late Increase of Robbers etc. with Some Proposals for Remedying this Growing Evil. L., 1751; Fielding J. A plan for preventing robberies within twenty miles of London with an account of the rise and establishment of real thief-takers. to which is Added, Advice to Pawnbrokers, Stable-keepers, and Publicans. L., 1755; Paley W. The Principles of Moral and Political Philosophy. Boston, 1825; Romaine W. A Method for Preventing the Frequency of Robberies and Murders, proposed in a Discourse, Delivered at St. George's Hanover-Square, at St. Dunstan's in the West, and at Several Other Places in London. L., 1754; Madan M. Thoughts on executive justice with respect to our criminal laws, particularly on the circuits. L., 1785.

Дж. Беллерса, Дж. Беркли, Дж. Мэсси, Дж. Фиджимондса³¹. Идею реформирующей роли христианской религии и пенитенциарного покаяния развивали Дж. Хэнвей, Дж. Говард, Дж. Брюстер³². Призыв к широкомасштабной реформе уголовного закона и построению эффективной системы правоохранительных органов находим в произведениях У. Идена, У. Смита, Г. Дагге, С. Ромилли, Дж. Бентама³³. Труды реформаторов-практиков – Дж. Леруа, Дж. Джебба, Дж. Пола, Т. Бакстона³⁴, создававшиеся в условиях начавшейся реформы, содержат первые критические суждения, попытки скорректировать изначальные идеализированные представления интеллектуалов-теоретиков с учетом реалий первых лет реформы – острого дефицита финансов, сохранения высокого уровня преступного рецидива, который ставил под сомнение реформирующий эффект тюремного заключения.

Изучить различные срезы общественного мнения помогли источники, принадлежащие авторству малоизвестных или анонимных мыслителей³⁵.

³¹ Starkey T. A dialogue between Reginald Pole and Thomas Lupset. L., 1948; Bellers J. Essays about the poor, manufactures, trade, plantations, & immorality and of the excellency and divinity of inward light, demonstrated from the attributes of God and the nature of man's soul, as well as from the testimony of the Holy Scriptures. L., 1699; Berkley G. The Querist, containing Several Queries, proposed to the consideration of the public. To which is added, by the same author, a Word to the Wife: or, an exhortation to the Roman Catholic Clergy of Ireland. L., 1750; Massie J. A plan for the establishment of charity-houses for exposed or deserted women and girls, and for penitent prostitutes. Observations concerning the Foundling-Hospital, shewing the ill consequences of giving public support thereto. Considerations relating to the poor and the poor's-laws of England. L., 1758; Fitzsimmonds J. Free and candid disquisitions on the Nature and Execution of the laws of England, Both in Civil and Criminal affairs. Wherein the End of Laws in general, and how far our Laws are agreeable, or opposite thereto, is impartially considered; the present Inconveniencies attending the municipal Laws of this Country, both as to Theory and Practice, are freely examined, and some Methods are proposed to make them more useful to the Public, and easier to the Subject. With a postscript relating to Spirituous Liquors, and the Execution of the present Excise Laws. L., 1751.

³² Hanway J. Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutary Prevention. L., 1776.; Howard J. The State of the Prisons in England and Wales with the preliminary observations, and an account. of some foreign prisons and hospitals. 4th ed. L., 1792; Brewster J. On the prevention of crimes and on the advantages of solitary imprisonment. L., 1792.

³³ Eden W. Principles of Penal Law. L., 1771; Smith W. Mild Punishments Sound Policy: Or Observations on the Laws Relative to Debtors and Felons, With an Account of the Frauds Practised by Swindlers, Sharpers and Others. Also, Some Clauses Necessary in Any Future Insolvent Act; and a Plan for the Relief of Poor Distressed Families and Others. L., 1777; Dagge H. Considerations on criminal law. Vol. I. L., 1772; Bentham J. A View of the Hard-Labour Bill, Being an Abstract of a Pamphlet, Intituled, «Draught of a Bill, to Punish by Imprisonment and Hard-Labour, Certain Offenders' and to Establish Proper Places for their Reception». Interspersed with Observations Relative to the Subject of the Above Draught in Particular, and to Penal Jurisprudence in General. L., 1778; [Romilly S.] Observations on the criminal law of England, as it relates to capital punishments, and on the mode in which it is administered L., 1810.

³⁴ Leroux J. Thoughts on the Present State of the Prisons of this Country. L., 1780; Jebb J. Thoughts on the Construction and Polity of Prisons, with Hints for Their Improvement. To which is added, an abstract of felonies created by statute, and other articles relative to the penal system. L., 1786; Paul G.O. Considerations on the defects of prisons, and their present system of regulation: submitted to the attention of the gentlemen of the county of Gloster, in the course of their proceedings on a plan of reform. To which are added, some general reflections on the subject; addressed to the members of the legislature. L., 1784; Buxton T.F. An inquiry, whether crime and misery are produced or prevented by our present system of prison discipline, 3rd ed. L., 1818.

³⁵ Anon. Solon Secundus: or some defects in the English Laws; with their proper remedies. By a hearty Lover of his Country. L., 1695; Braddon L. The Miseries of the Poor are a National Sin ... But by Making them Happy, we shall Remove that Guilt ... and Pay Old Debts without New Taxes, etc. L., 1717; Anon. A Charitable Visit to the Prisons, Containing Suitable and Proper Advice or Counsel to Those who are Confined There. To which are added prayers for the use of prisoners. L., 1725; Reasons against confining persons in prison for debt humbly offer'd to the consideration of the Parliament ...: to which is added the case of insolvent debtors now in prison. Westminster, 1729; Hay W. Remarks on the Laws Relating to the Poor / By a Member of Parliament. L., 1751; Scott J. Observations on the Present State of the Parochial and Vagrant Poor. L., 1773; Anon. The Means of Effectually Preventing Theft and Robbery. L., 1783 etc.

Несмотря на то что в истории пенологической мысли их имена не сохранились, а предложения не блистали оригинальностью, набор представлений, которыми они оперировали, помогает восстановить единый тип «социальной чувствительности», определить взаимосвязь тех идей, которые преобладали в обществе в целом.

Американская эссеистика отличается от британской как манерой письма, так и целевым назначением сочинений и проектов. Для произведений американских интеллектуалов характерен больший рационализм и практицизм, отсутствие излишней патетики. Даже названия большинства английских трактатов звучат как постановка проблемы, в то время как названия американских – как инструкция к действию. Американские государственные и общественные деятели – У. Бредфорд, Б. Раш, Т. Эдди, Р. Вокс, Дж. Смит, Г. Пауэрс³⁶ – воплотили теоретические конструкты в практику и описали первый опыт организации пенитенциарной системы на принципах, сформулированных английской общественной мыслью.

Официальные документы и делопроизводство государственных, общественных, религиозных и благотворительных организаций, вовлеченных в процессы пенитенциарного реформирования, – третья группа исторических свидетельств. В Великобритании одним из первых филантропических обществ стала квакерская организация *Общество улучшения тюремного содержания*. Опубликованные отчеты о работе Общества, агитационная литература и практические рекомендации по организации тюремного быта³⁷ позволяют выявить истоки негосударственного тюремного попечения независимых религиозных объединений. Первые американские организации – филадельфийское *Общество облегчения страданий арестантов*, стоявшее у истоков пенсильванской модели, и *Бостонское Общество тюремной дисциплины*, продвигавшее обернский режим, занимались активной публицистической деятельностью с целью популяризации своих прогрессивных систем тюремного содержания³⁸.

³⁶ Bradford W. An Enquiry how far the Punishment of Death is Necessary in Pennsylvania. With notes and illustrations. Philadelphia, 1793; Rush B. An inquiry into the influence of physical causes upon the moral faculty. Philadelphia, 1839; Eddy T. An Account of the State-Prison or Penitentiary House in the City of New-York. N-Y., 1801; Smith G.W. A Defense of the System of Solitary Confinement of Prisoners. Philadelphia, 1833; Vaux R. Notices of the Original and Successive Attempts to Improve the Discipline of the Prison at Philadelphia and to Reform the Criminal Code of Pennsylvania. Philadelphia, 1826; Powers G. A. Brief Account of the Construction, Management, and Discipline of the New York State Prison at Auburn: Together with a Compendium on Criminal Law. Auburn, N-Y., 1826.

³⁷ Society for the Diffusion of Knowledge upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline, An Account of the Origin and Object of the Society for the Diffusion of Knowledge Upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline, L., 1812; Reports of the Committee of the Society for the Improvement of Prison Discipline and for the Reformation of Juvenile Offenders. 1st–6th. L., 1816–1824; Tract no. III Of the Society for diffusing Information on the Subject of Capital Punishment and Prison Discipline «On the Effects of Capital Punishment, as applied to Forgery and Theft (including the sentiments of some eminent authors, with some account or recent occurrences and proceedings)». L., 1818; Rules for the Government of Gaols, Houses of Correction, and Penitentiaries; to which are Added, Plans of Prisons on Improved Principles; and a Description, with Plates of a Corn Mill and Water Mill, Adapted to the Employment of Prisoners. 2nd ed. L., 1821

³⁸ Reports of the Prison Discipline Society of Boston the Twenty-nine Annual Reports of the Board of Managers, 1826–1854, with a Memoir of Louis Dwight. Vol. 1. Boston, 1855; Act of Assembly Creating the Board of Inspectors of the Philadelphia County Prison with the Rules and Regulations Made by the Board for the Government of the Board and the Prison. Philadelphia, 1846; First annual report of the board of inspectors Philadelphia County prison, under the act of assembly. Harrisburg PA, 1847.

Четвертая группа – *источники, содержащие информацию личного происхождения*: мемуары-автобиографии и мемуары современников, биографии, дневники, переписка, воспоминания. В мемуарах и эпистолярном наследии английских активистов пенитенциарных реформ – Дж. Говарда, С. Ромилли, У. Аллена, Э. Фрай³⁹ – содержатся ценные сведения о первых пенитенциарных экспериментах в Англии, мощной квакерской кампании по популяризации социальных идей, оказавшей влияние в том числе на пенитенциарные реформы Российской империи. Мемуары американских деятелей тюремных реформ позволяют оценить противоречивость первого опыта организации тюремных учреждений нового типа, соотнести утопичные надежды реформаторов и реакцию на сложившиеся реалии⁴⁰. Данный вид исторических свидетельств, несмотря на склонность к тенденциозности, бесценен при реконструкции историко-культурного контекста эпохи. В материалах этой группы источников можно обнаружить неожиданные подтверждения трансферта основных пенитенциарных концептов, а также истоки первой конструктивной критики и идейного размежевания реформаторов по обе стороны океана⁴¹.

Особое место в этой группе источников информации личного происхождения занимают свидетельства духовных лиц – тюремных священников-капелланов⁴², странствующих миссионеров⁴³, которые оставили подробные описания с включением первых конкретных предложений по изменению общественного отношения к узникам и реформированию тюрьмы как института наказания. Восстановить картину условий тюремного заключения глазами осужденных помогли публикации биографического и эпистолярного характера, созданные или приписываемые узникам⁴⁴. Несмотря на то что узники

³⁹ Memoirs of the public and private life of John Howard, the philanthropist. Compiled from His Own Diary in the Possession of His Family / by J. B. Brown. L., 1818; Romilly S. Memoirs of the Life of Sir Samuel Romilly, Written by Himself. Vol. I–II. L., 1840; Allen W. Life of William Allen. With Selections from His Correspondence. Vol. 1. L., 1846; Fry K. Memoir of the Life of Elizabeth Fry. With extracts from her Journal and Letters. 2nd ed. Vol. I–II. L., 1848.

⁴⁰ Knapp S. The Life of Thomas Eddy; Comprising an Extensive Correspondence with Many of the Most Distinguished Philosophers and Philanthropists of This and Other Countries. N-Y., 1834; Kurtz D.M. Auburn, N.Y.: Its Facilities and Resources. N-Y., 1884.

⁴¹ Turnbull R.J. A Visit to the Philadelphia Prison: Being an Accurate and Particular Account of the Wise and Humane Administration Adopted in Every Part of that Building; ... with Observations on the Impolicy and Injustice of Capital Punishments. In a Letter to a Friend. Dublin, 1798; Roscoe W. A brief statement of the causes which have led to the abandonment of the celebrated system of penitentiary discipline, in some of the United States of America in a letter to the hon. Stephen Allen, of New-York. Liverpool, 1826; Vaux R. Letter on the Penitentiary System of Pennsylvania, addressed to William Roscoe, Esquire, of Toxteth Park, near Liverpool. Philadelphia, 1827.

⁴² Sommers C.G. Memoir of the Rev. John Stanford, D.D., Late Chaplain to the Humane and Criminal Institutions in the City of New-York. N-Y., 1835; Jenks W. A Memoir of the Rev. Louis Dwight, Late Secretary of the Boston Prison Discipline Society, Prepared at the Request of the Society. Boston, 1856; Buried from the world: inside the Massachusetts State Prison, 1829–1831: the memorandum books of the Rev. Jared Curtis / ed. by P. F. Gura. Boston, 2001.

⁴³ An account of the life, and dealings of God with Silas Told. Written by himself. L., 1805; The journal the reverend John Wesley, A.M., sometime fellow of Lincoln College, Oxford from October 14, 1735, to November 29, 1745. L., 1829; The Works of the Rev. John Wesley: The sixth, seventh, eighth, ninth, tenth, and eleventh numbers of his journal. Vol. II. 1st American ed. N-Y., 1827.

⁴⁴ Pitt M. The cry of the oppressed being a true and tragical account of the unparallel'd sufferings of multitudes of poor imprisoned debtors in most of the gaols in England ... together with the case of the publisher. L., 1691; Fox G. To the Parliament of the Common-Wealth of England. Fifty-nine Particulars laid down for the Regulating things, and the taking away of Oppressing Laws, and Oppressors, and to ease the Oppressed, London, Printed for Thomas Simmons, at the Bull and Mouth near Aldersgate, 1659. URL: <http://universalistfriends.org/quf2002.html>; A short history of the life

были крайне пристрастны в оценке своего наказания, объединяющей темой практически для всех источников были вопросы организации тюремного быта и особенности поведения тюремной администрации.

Биографические данные также представлены в уникальном литературно-публицистическом памятнике эпохи – Ньюгейтском календаре⁴⁵. Данный источник требует осторожного отношения, так как может содержать выдуманные эпизоды, включенные издателями ради повышения привлекательности псевдо-детективного чтения. Соотношение криминальных историй с официальными материалами Олд-Бейли помогает отделить от вымысла реальные биографические данные. Американская публицистика колониального периода не осталась в стороне от пристрастия к данному жанру, вызывающему такую эмоциональную ажитацию у читателей метрополии⁴⁶. Таким образом, источники личного происхождения различаются по идеологическим и теологическим взглядам, профессиональной специфике и литературному дару. Отражая авторскую точку зрения, они почти всегда субъективны, однако незаменимы для историка, задавшегося целью восстановить интеллектуальную культуру эпохи. Круг источников был расширен за счет прессы и популярной публицистики, а также шедевров литературно-художественного творчества. В их числе произведения Д. Дефо, Б. Мандевиля, Г. Филдинга, Ч. Диккенса, В. Гюго и др.

Огромную роль в восприятии и понимании темы сыграли *визуальные образы*, которые можно обособить в отдельную группу источников. В XX в. произведения живописи, гравюры, карикатуры, относящиеся к рассматриваемому периоду, были собраны искусствоведами в путеводители и сборники⁴⁷, в том числе массивы электронных копий⁴⁸ визуальных исторических источников, доступные для широкого использования.

of Major John Bernardi, written by himself in Newgate, where he has been for near 33 years a prisoner of state, without any allowance from the government, and could never be admitted to his trial. L., 1729; Besse J. A Collection of the Sufferings of the People Called Quakers, for the Testimony of a Good Conscience, From the Time of Their Being First Distinguished by that Name in the Year 1650, to the Time of the Act, Commonly Called the Act of Toleration, Granted to Protestant Dissenters in the First Year of the Reign of King William the Third and Queen Mary, in the Year 1689. Vol. I. L., 1753; Inside Out or An Interior View of the New-York State Prison; Together with Biographical Sketches of the Lives of Several of the Convicts / By One Who Knows. N-Y., 1823; The Sword of Justice Wielded by Mercy: A Dialogue Between the Inspectors of the State Prison, in New-York, and a Convict on the Day of His Liberation. N-Y., 1822; Extract of a letter from a Convict on the penitentiary system // Vaux R. Letter on the Penitentiary System of Pennsylvania... P. 15.

⁴⁵ The Newgate Calendar Comprising Interesting Memoirs of the most Notorious Characters who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England Since the Commencement of the Eighteenth Century; with Occasional Anecdotes and Observations, Speeches, Confessions, and Last Exclamations of Sufferers / by A. Knapp and W. Baldwin. In 5 vols. L. 1824–1828.

⁴⁶ Mather C. Instructions to the living, from the condition of the dead. A brief relation of remarkables in the shipwreck of above one hundred pirates, who were cast away in the ship Whido, on the coast of New-England. Boston, 1717; Anon. The wages of sin; or Robbery justly rewarded. Boston, 1732; The dying groans of Levi Ames, who was executed at Boston, the 21st of October, 1773 for burglary. Boston, 1773; Some account of John Burns, John Logan, John Ferguson, John Bennet, And Daniel Cronan, who were executed upon the commons in the city of Philadelphia, on Monday the 12th of October, 1789, for the murder and robbery of John M'Farland. Philadelphia, 1789.

⁴⁷ См., напр.: Дукельская Л.А. Английская бытовая карикатура второй половины XVIII века. М. ; Л., 1966; Лондон в гравюре конца XVII – первой половины XIX века. Л., 1984; English political caricature. A study of opinion and propaganda / G.M. Dorothy. Vol. 1: To 1792. L., 1959; Criminal London: a pictorial history from medieval times to 1939 / ed. M.D. Herber. Chichester, West Sussex, 2002.

⁴⁸ См., напр.: <https://www.lookandlearn.com/> Historical Picture Archive, History Images, Vintage Pictures & Illustrations Look and Learn; <https://artchive.ru/> Артхив – Социальная сеть художников и ценителей искусств; <https://gallerix.ru/> Живопись, картины и художники – онлайн-музей Gallerix; [https://www.oldbaileyonline.org/static/](https://www.oldbaileyonline.org/static/Publishinghistory.jsp) Publishinghistory.jsp коллекция визуальных материалов Олд-Бейли и др.

Свидетельства шестой группы источников можно одновременно отнести к первой историографии проблемы, так как они выходят за верхнюю хронологическую границу исследования: это *описания англо-американского опыта пенитенциарного реформирования*, в которых предприняты попытки критического осмысления итогов первых десятилетий реформы, а также анализ возможности воспроизведения современных практик уголовного наказания в европейских странах и Российской империи⁴⁹. Частично были привлечены архивные фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) – фонд 122 «Главное тюремное управление при Министерстве юстиции» и фонд 123 «Общество попечительное о тюрьмах».

В целом источниковая база диссертационного исследования характеризуется наличием большого числа разнопрофильных и репрезентативных документальных материалов, критический анализ которых позволил решить исследовательские задачи настоящей диссертации.

Во втором параграфе *«Освещение проблемы в зарубежной историографии»* показано, что тема исследования имеет существенный задел в англо-американской историографии. Первыми научный интерес к поставленной проблеме проявили юристы-правоведы, которые рассматривали пенитенциарные реформы и реформу полиции, растянувшиеся на весь XIX в., как закономерный итог трансформации и модернизации законодательной системы. Научные исследования проблем преступности XVIII в. появились уже в середине XIX столетия, и следовали они традиции историописания, которую позднее назовут «вигским нарративом». Придерживаясь концепции непрерывного движения английской истории и права по пути прогресса, современники королевы Виктории представляли изменения в уголовном кодексе Англии как восхождение от жестоких практик Тайнберна и кровавых статуты к цивилизованному законодательству и усовершенствованной системе правоохранительных органов. В таком ключе выдержаны работы Л.О. Пайка и П. Фитцджеральда⁵⁰. Традицию «вигского нарратива» в изучении вопросов преступности и становления правоохранительных органов продолжили супруги Уэбб, чье исследование «Английские тюрьмы и местное самоуправление»⁵¹ считается в зарубежной историографии первой серьезной попыткой проанализировать происхождение современной тюрьмы.

Первые научные труды по истории американских пенитенциарных экспериментов, созвучные направлению «вигского нарратива», принадлежат историку-криминологу Г. Барнсу и пенологу-правозащитнику О. Льюису⁵². Авторы, рассматривая американское правосудие с колониального периода,

⁴⁹ Beaumont, G. de Tocqueville A. de. Op. cit.; Transactions on the National Congress on Penitentiary and Reformatory Discipline held at Cincinnati, Ohio. Albany, 1871; John Howard and The Prison-World of Europe. From Original and Authentic Documents / by H. Dixon. N-Y., 1850 etc.

⁵⁰ Pike L.O. A History of Crime in England. Illustrating the Changes of the Laws in the Progress of Civilisation. Vol. 2: From the Accession of Henry VII to the Present Time. L., 1876; Fitzgerald P. Chronicles of the Bow Street Police-office. In 2 vols. L., 1888.

⁵¹ Webb S. and Webb B. Op. cit.

⁵² Barnes H.E. The Evolution of Penology in Pennsylvania. A Study in American Social History. Indianapolis, 1927; Lewis O.F. The development of American prisons and prison customs, 1776–1845: with special reference to early institutions in the state of New York. Albany, 1922.

выделяют отличия и особенности уголовных уложений различных колоний, которые, по их мнению, оказали определенное влияние на формирование первых пенитенциарных моделей.

В XX в. классическая «линейная» история англо-американской тюрьмы подверглась нескольким ревизиям в зарубежной историографии. Значительная политизация истории в период между двумя мировыми войнами, возросшее внимание к социально-экономическим факторам привели к переоценке истоков и смысла большинства государственных и социальных институтов. Первое поколение ревизионистов, используя марксистскую теорию классового конфликта, описывает криминализацию общества в Англии в рассматриваемый период как закономерный итог классового расслоения и попытку насильственного присвоения бедными средств к существованию. Система становления принудительного труда в форме каторги, ссылки, галер и тюремных рассматривается как один из источников трудовых ресурсов⁵³.

Альтернативная концепция становления института тюрьмы в западном обществе была предложена сторонниками *теории социального контроля*, получившая развитие на основе работ М. Фуко. По мнению мыслителя, тюремными реформаторами XVIII–XIX вв. двигал не гуманизм, а стремление к социальному контролю, в то время как тюрьма стала одним из важнейших дисциплинарных институтов, с помощью которого власть этот контроль реализовывала. В произведениях ревизионистов англо-американская тюрьма из просвещенческого гуманистически-ориентированного социального конструкта трансформировалась в суровый проект дисциплинирующей нормализации⁵⁴.

Первая волна ревизионизма, увенчанная целой серией междисциплинарных исследований в области пенитенциарной истории, социологии и криминологии, оказалась, по сути, не менее идеологична, чем вигизм, который ревизионисты критиковали за тенденциозный гуманизм и просвещенческий оптимизм. В последней четверти XX в. в зарубежной историографии зародилась тенденция подвергать конструктивной критике те положения теорий марксистской направленности, которые объясняли рост преступности в XVIII в. борьбой классов, а переход к новой системе уголовных наказаний – закономерным итогом развития капитализма⁵⁵. Представители второй волны ревизионизма, выразив приверженность принципам историзма и всесторонности научного анализа, приступили к пересмотру устоявшихся взглядов на становление системы наказаний в русле *новой социальной истории*. Одной из первых попыток реконструкции социального фона пенитенциарной

⁵³ Rusche G., Kirchheimer O. Op. cit.; Melossy D., Pavarini M. Op. cit.; Langbein J.H. The historical origins of the sanction of imprisonment for serious crime // The Journal of Legal Studies. 1976. № 1–1. P. 35–60.

⁵⁴ Ignatieff M. A Just Measure of Pain: The Penitentiary in the Industrial Revolution 1750–1850. N-Y., 1978; Evans R. The Fabrication of Virtue: English Prison Architecture, 1750–1840. Cambridge, 1982; Rothman D.J. Op. cit.; McKelvey B. American Prisons: A History of Good Intentions. Montclair, N.J., 1977; Social Control and the State: Historical and Comparative Essay / ed. S Cohen, A Scull, L., 1983; Cooper R.A. Ideas and their execution: English prison reform // Journal of eighteenth-century studies. 1976. № 10. P. 73–93; Morgan R. Divine philanthropy. John Howard: reconsidered // The Journal of the Historical Association. Vol. 62. 1977. № 206. P. 388–410 etc.

⁵⁵ Platt A.M. Op. cit.; Weiss R.P. Humanitarianism, Labour Exploitation, or Social Control? A Critical Survey of Theory and Research on the Origin and Development of Prisons // Social History. Vol. 12, 1987. Iss. 3. P. 331–350.

практики XVIII в. стала коллективная работа под редакцией Д. Хэя⁵⁶, которую критики называли классическим исследованием пенитенциарной социальной истории и «истории снизу». Авторы заострили внимание на одном из главных парадоксов правосудия – нарастающей суровости законов и прямо пропорциональном увеличении их фактического неисполнения. Это позволило сменить угол обзора и представить XVIII столетие не таким кровавым, как его интерпретировали в XIX в. обыватели или воссоздавали историки права, опираясь на нормы, закрепленные в статутах. Фундаментальной проработкой данной гипотезы стали труды Дж. Битти⁵⁷. Изучение истории становления правоохранительных органов, а также отдельных видов наказания, альтернативных смертной казни, обогатило англо-американскую историографию рассматриваемого вопроса серией глубоких междисциплинарных исследований⁵⁸. Освобождение историков права от марксизма и смежных теорий инициировало целый спектр исследований английской преступности с опорой на методологический аппарат криминологической науки⁵⁹.

Призыв к новой социальной истории сфокусировал внимание историков на отдельных аспектах трансформации системы уголовных наказаний и побудил исследователей к воссозданию микро-историй: истории тюремной администрации, истории тюремной архитектуры, исследования тюремной тематики в художественной литературе XVIII в.⁶⁰ и др. Публикации Р. Макгоуэна⁶¹ наглядно показали, что рассматривать важнейшую реформу уголовного правосудия вне учета религиозного мировоззрения англичан XVIII в. – значит исказить ее социальную природу.

В отдельную историографическую группу следует выделить труды, предметом которых являются идеи и их восприятие в коммуникативных пространствах Нового времени. Исследователи, разрабатывающие вопросы

⁵⁶ Albion's Fatal Tree: Crime and Society in Eighteenth Century England / by D. Hay, P. Linebaugh, J.G. Rule, E.P. Thompson, C. Winslow. N-Y., 1975.

⁵⁷ Beattie J.M. Crime and the Courts in England 1660–1800. Oxford, 1986; Beattie J.M. Policing and Punishment in London, 1660–1750. Urban crimes and the limits of terror. Oxford, 2001; Beattie J.M. The First English Detectives: The Bow Street Runners and the Policing of London, 1750–1840. Oxford and N-Y., 2012.

⁵⁸ Greenberg D. Crime and Law Enforcement in the Colony of New York, 1691–1776. Ithaca, N-Y., 1976; Markets, Market Culture and Popular Protest in Eighteenth Century Britain and Ireland /eds. A. Randall, A. Charlesworth. Liverpool, 1996; Tobias J.J. Crime and Police in England: 1700–1900. N-Y., 1979; Shaw A.G.L. Convicts and the Colonies: A Study of Penal Transportation from Great Britain and Ireland to Australia and other parts of the British Empire. Carlton, 1981; Hearn D.A. Legal Executions in New York State: A Comprehensive Reference, 1639–1963. Jefferson, N.C., 1997; Archer J.E. Social unrest and popular protest in England, 1780–1840. N-Y., 2000; Law, Crime and English Society, 1660–1830. In honor of John M. Beattie / ed. N. Landau. Cambridge, 2004; Ingram M. Reformation of Manners in Early Modern England // The Experience of Authority in Early Modern England / ed. P. Griffiths. N-Y., 1996. P. 47–88.

⁵⁹ Sharpe J.A. Crime in Early-Modern England, 1550–1750. L., 1984; McFlynn F. Crime and punishment in 18th century England. L., 1989; Linebaugh P. The London Hanged: Crime and Civil Society in the Eighteenth Century. N-Y., 1992; Gatrell V.A.C. The Hanging Tree: Execution and the English People. 1770–1868. Oxford, 1996; Block B.P., Hostettler J. Hanging in the Balance: A History of the Abolition of Capital Punishment in Britain. Sheffield, 1997.

⁶⁰ McConville S. A history of English prison administration. 1750–1877. Vol. 1. L., 1981; Bender J. Imagining the penitentiary: fiction and the architecture of mind in eighteenth-century England. Chicago, 1987; English Prisons: An Architectural History / by A. Brodie, J. Croom and J. O'Davies. Swindon, 2002.

⁶¹ McGowen R. A Powerful Sympathy: Terror, the Prison, and Humanitarian Reform in Early Nineteenth Century Britain // The Journal of British Studies. Vol. 25. 1986. № 3. P. 312–324; McGowen R. «He Beareth Not the Sword in Vain»: Religion and the Criminal Law in Eighteenth-Century England // Eighteenth-Century Studies 21, 1987–1988. № 2. P. 192–211; McGowen R. The Changing Face of God's Justice: The Debate over Divine and Human Punishment in Eighteenth-Century England // Criminal Justice History. 1988. № 9. P. 63–98.

идейного наследия представителей интеллектуальной элиты Нового времени, рассматривали их реформистские инициативы в широком контексте активной социальной, политической и филантропической деятельности⁶². Взглядам и проектам реформаторов-практиков, законотворцев и парламентариев, благотворителей и миссионеров посвящено в зарубежной историографии достаточное количество работ, варьирующих от всеобъемлющих биографий до детального анализа отдельных произведений⁶³. Изучение эссеистики этих интеллектуалов внесло большой вклад в понимание идеологического, социального и политического фона, на котором складывались основы будущей системы уголовных наказаний. Своеобразным венцом многочисленных подходов к истории современной тюрьмы и дискуссий XX в. о ее генезисе стало исследование энциклопедического характера «Оксфордская история тюрьмы. Традиция уголовного наказания в западном обществе»⁶⁴.

В XXI в. изучение генезиса и эволюции пенитенциарных практик проходит под влиянием «культурного поворота», который пережила мировая историография во второй половине XX в. Работы современных зарубежных историков М. Гаскилла, Л. Тронесса, Дж. Грабер⁶⁵ представляют собой серьезные научные исследования, авторы которых скрупулезно восстанавливают «утраченный мир» социальной истории и обстоятельств, в которых вызревала реформа англо-американской системы наказания.

Резюмируя обозрение зарубежной историографии проблемы, подчеркнем, что и в настоящее время тема становления социального института тюрьмы и связанных с ним властных отношений продолжает привлекать пристальное внимание исследователей, о чем свидетельствует появление разноплановых диссертационных исследований⁶⁶. Приведенный обзор историографических подходов к проблеме позволяет говорить о глубокой проработанности и даже состоятельности различных точек зрения в изучении генезиса современной тюрьмы. Анализ зарубежной историографии по исследуемой проблематике свидетельствует о ее высокой актуальности.

⁶² Goldsmith M. *Private Vices, Publick Benefit: Bernard Mandeville's social and political thought*. Cambridge, 1985; Fielding: a collection of critical essays / ed. by R. Paulson. N-Y., 1962; Paulson R. *The Life of Henry Fielding: A Critical Biography*. Oxford, 2000; Taylor J.S. *Jonas Hanway: founder of the Marine Society: charity and policy in eighteenth-century Britain*. L., 1985.

⁶³ Leslie-Melville R. *Life and Work of Sir John Fielding*. L., 1934; Southwood M. *John Howard. Prison Reformer. An account of his life and travels*. L., 1958; Semple J. *Bentham's Prison. A study of the Panopticon Penitentiary*. Oxford, 1993; Mack M.P. *Jeremy Bentham: An Odyssey of Ideas, 1748–1792*. L., 1962; Brown A.S. *William Eden and the American Revolution*. PhD thesis. University of Michigan, 1953; Goff D. *A Brief Memoir of Elizabeth Fry*. Richmond, 2008; Bartle G.F. *William Allen, friend of humanity: his role in nineteenth-century popular education* // *History of Education Society Bulletin*, 1992. № 50. P. 15–28.

⁶⁴ *The Oxford History of the Prison. The practice of punishment in Western society* / ed. N. Morris, D. Rothman. N-Y., 1995.

⁶⁵ Gaskill M. *Crime and mentalities in early modern England*. Cambridge, 2000; Throness L. *A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779*. Aldershot, 2008; Graber J. *The Furnace of Affliction: Prisons & Religion in Antebellum America*. Chapel Hill, 2011.

⁶⁶ Balch-Lindsay V.S. *An orderly metropolis: the evolution of criminal justice in London, 1750–1830*. PhD thesis. Texas University. 1998; Hardman Ph.J. *The origins of late eighteenth-century prison reform in England*. PhD thesis, University of Sheffield. 2007; Brooks A. *Prisoners or Servants? A history of the legal status of Britain's transported convicts*. PhD thesis, University of Tasmania, 2016; White M.T. *Ordering the Mob: London's Public Punishments, c. 1783–1868*. PhD thesis. University of Hertfordshire. 2009.

В третьем параграфе *«Освещение проблемы в отечественной историографии»* представлен обзор историко-правовых исследований, так как до недавнего времени изучение истории пенитенциарных преобразований западных государств не становилось предметом специальных исторических исследований. Российские юристы-правоведы проявляли интерес к изучению англо-американской практики исполнения уголовных наказаний с середины XIX в. В научных трудах и публичных лекциях известные ученые-юристы заложили основы *государственно-правового* (нормативистского) подхода к пониманию и оценке англо-американских пенитенциарных реформ⁶⁷.

В исследованиях 1920–1930-х гг. советские ученые-пенитенциаристы и практики в целом заимствовали методологические приемы классической школы уголовного права⁶⁸, заложенные отечественными правоведами XIX – начала XX вв., в то время как правоведы 1940–1950-х гг. обозначили концептуальный разрыв с теоретическими основами «буржуазной карательной системы»⁶⁹. «Наказание в буржуазных государствах» интерпретировалось как «орудие власти господствующих эксплуататорских классов», а реформированное тюремное заключение – как «центральное звено новой карательной системы». В оценке передового англо-американского пенитенциарного опыта советские правоведы строго придерживались марксистских принципов: причину перехода от смертной казни и карательных практик Средневековья к прогрессивным тюремным системам объясняли тем, что буржуазия была заинтересована в «сохранении излишней рабочей силы, т. е. товара, который тем дешевле купить, чем больше его на рынке».

Современные российские исследователи англо-американских пенитенциарных практик продолжают практиковать нормативистский подход в толковании «эпохи Кровавых кодексов»⁷⁰. Таким образом, несмотря на смену акцентов, современное отечественное тюремоведение продолжает развиваться как подотрасль юридических наук, поэтому остается в стороне от «культурного переворота» в мировой историографии, чего нельзя сказать об отечественном англоведении XX века.

Обозначившийся в последние десятилетия XX в. переход от традиционной политической интерпретации истории Англии XVIII в. к «новой социальной» истории повлек за собой освобождение истории от устоявшихся предрассудков или «политических заказов» и детальное рассмотрение исторических событий с опорой на источники. Существенным вкладом в разработку проблематики

⁶⁷ Галкин М.Н. Указ. соч.; Фойницкий И.Я. Указ. соч.; Филиппов М.А. Указ. соч.; Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни / Воспроизводится по изданию 1867 г., Киев. Тула, 2000; Чубинский М.П. Курс уголовной политики. Ярославль, 1909; Принс А. Преступность и репрессия. Уголовно-юридический очерк. М., 1898.

⁶⁸ Познышев С.В. Указ. соч.

⁶⁹ Исаев М.М. К вопросу о политической оценке идей классической школы уголовного права. Доклад, сделанный в Военно-юридической академии. М., 1947; Утевский Б.С. Указ. соч.; Шаргородский М.Д. Указ. соч.

⁷⁰ Тепляшин П.В. Указ. соч.; Маруков А.Ф. Указ. соч.; Пахалов М.Ю. Судебный процесс в средневековой Англии: проблема соотношения юридических и ритуальных форм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Греков М.Л. Тюремные системы: состояние, перспективы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000; Алексеев В.И. Пенсильванская и Оборнская системы содержания осужденных: аспект соотношения (1860–1917 гг.) // Адвокатская практика. 2010. № 4. С. 45–48; Марков В.П. Концепции наказания в англо-американской системе права // Вопросы экономики и права. 2012. № 44. С. 247–252.

стали труды Л.П. Репиной, Т.Л. Лабутиной, М.П. Айзенштат, Н.С. Креленко и других исследователей⁷¹. Развитие направления интеллектуально-культурной истории – изучение идей через культуру, биографию и социокультурное окружение их носителей привело к появлению оригинальных и серьезных исследований социальных, культурных, религиозных и личностных практик в современном отечественном англоведении⁷². В результате появился значительный комплекс работ, посвященных социальным контекстам и культурным ориентирам в деятельности интеллектуалов. Был пересмотрен идеологический фон социальных и политических реформ XVIII в., открыты неизвестные в предшествующей исследовательской практике произведения мыслителей, законотворцев и практиков, которые внесли существенный вклад в развитие и углубление философии и эпистемологии наказания⁷³.

В первые два десятилетия XXI в. российские англоведы проявили пристальный научный интерес к исследованию вопросов формирования английской этноконфессиональной идентичности и национальной памяти⁷⁴. Использование научных гипотез и выводов отечественных исследователей по проблемам английской религиозной идентичности вносит существенные коррективы в наличествующие концепции унифицированного понимания секулярного характера британских пенитенциарных реформ XVIII в. Особый вклад в понимание исторического фона, на котором происходило складывание правовых идей и становление правовых институтов, внесли труды историков М.В. Винокуровой, С.В. Кондратьева, А.А. Паламарчук⁷⁵.

⁷¹ Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации : материалы междунар. науч. конф. / под ред. Л.П. Репиной. М., 1995; Лабутина Т.Л. У истоков современной демократии: политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М., 1994; Айзенштат М.П. Британский парламент и общество в 30–40 гг. XIX в. М., 1997; Креленко Н.С. «Пуританская» революция и английская общественная мысль XVII–XIX вв.: Исторический миф в контексте политической борьбы. Саратов, 1990; Семенов С.Б. Политические взгляды английских радикалов XVIII в. Самара, 1995.

⁷² Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. М., 2014; Англоведение в современной России : кол. монография / отв. ред. М.П. Айзенштат, Т.Л. Лабутина. М., 2019; Креленко Н.С. Причудливая память потомков: английская революция в общественной мысли Великобритании XVIII века // Диалог со временем, 2001. Вып. 4. С. 74–83; Софронова Л.В. «Клирик из Лондонской епархии»: к проблеме идентификации христианского мыслителя английского Возрождения // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 161–188 и др.

⁷³ Барлова Ю.Е. Помогать нельзя наказывать, терпеть нельзя просить? Бедность и помощь нуждающимся в социокультурном пространстве Англии Нового времени. СПб., 2018; Орлов А.А. «Пусть Иеремия Бентам приготовит... кодекс!». Тракта Дж. Бентама «План всеобщего и вечного мира» (1786–1789 гг.) и его влияние на Россию // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Сер. История и политология. 2015. № 2. С. 53–62; Кованов К.В. Бернард МанDEVиль и общественная мысль Англии первой половины XVIII века. М., 2013; Эрлихсон И.М. Генри Филдинг и специфика историко-правового сознания в контексте преобразований английской уголовно-исполнительной системы XVIII столетия // Images mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 10. Сер. Альбионика. Вып. 5. Екатеринбург, 2019. С. 75–84 и др.

⁷⁴ Ерохин В.Н. Формирование англиканской идентичности: история и современность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 23–33; Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв. СПб., 2006; Софронова Л.В. Проект церковной реформы в Англии накануне реформации: случай Джона Колета // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2014. № 12. С. 31–43; Фадеев И.А. Церковь Англии: проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе. М., 2015; Стецкевич М.С. Английская религиозно-политическая модель на рубеже XVIII–XIX веков: проблема деформации // Религия и традиционная культура : сб. науч. трудов. СПб., 2000 и др.

⁷⁵ Винокурова М.В. К вопросу о наказаниях в обычном праве малых городов средневековой Англии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Вып. 6 (50); Кондратьев С.В. Идея права в предреволюционной Англии. Тюмень, 1996; Паламарчук А.А. Цивильное право в раннеюартовской Англии. Институты и идеи : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2016.

Подводя итог обзору отечественной историографической литературы по теме диссертации, в целом можно констатировать, что в настоящий момент отсутствует целостное комплексное историческое исследование генезиса и эволюции базисных теоретико-методологических основ современной пенитенциарной системы в контексте социально-культурных и политических практик рассматриваемого периода.

Во второй главе **«Генезис английского «Кровавого кодекса» XVIII века: социокультурный контекст»** анализируются практики уголовных наказаний на нескольких уровнях – законодательного установления, фактического воплощения и отражения в мировосприятии представителей английского общества, анализируются религиозные и правовые взгляды сторонников ретрибутивного правосудия.

В первом параграфе **«Уголовные наказания в конце XVII–XVIII вв.: законодательство и практики»** рассматриваются основные виды уголовных наказаний – смертная казнь, принудительный труд, высылка в колонии, тюремное заключение. Естественное историческое развитие английского прецедентного права привело к тому, что постепенно в категорию правонарушений, караемых высшей мерой, попадало все больше имущественных преступлений. В XVIII в. преступление настолько прочно интегрировалось в жизнь англичан, что стало неотъемлемым элементом социокультурной реальности. Процесс криминализации столицы озаботил современников, которые были просто потрясены тем, что трактовали как реальный кризис национальной морали и нравственности. Основным видом наказания – *смертная казнь* – к середине XVIII в. полностью утратил устрашающий эффект и дидактические функции, став для всех лондонцев одним из самых зрелищных мероприятий и излюбленных способов проведения досуга. Эстетизация преступной культуры, превращение смертной казни в перформанс изменяли норму устрашения, заложенную законодателем в институт смертной казни. Кроме того, «становившийся все более гуманным век» нивелировал суровость законов их неисполнением: практика стабильной отмены приговора к высшей мере дискредитировала закон и подрывала авторитет его служителей. Подобные разногласия между законом и жизнью в конечном итоге привели к прогрессирующему упадку института смертной казни и экспериментам законодателя с альтернативными мерами.

Ссылка уголовных преступников в заморские колонии практиковалась с XVI в., однако внушительных масштабов достигла именно в рассматриваемый период. С момента «Статута о транспортировке» 1717 г. до 1776 г. судьи так активно пользовались альтернативой высшей мере, что в рассматриваемый период к трансатлантическому путешествию приговорили около 18 000 преступников обоего пола практически за все правонарушения, не отягощенные преступлениями против жизни и здоровья. Таким образом, в рассматриваемый период ссылка выступила, по выражению Д. Ротмана, в качестве «предохранительного клапана в королевстве наказаний», который Лондон все активнее применял.

Принудительный труд в качестве уголовного наказания также может рассматриваться как один из экспериментов законодателя XVIII в., стремящегося найти альтернативу смертной казни. Для исполнения данного вида наказаний законодатель воспользовался учреждением, возникшим еще в XVI столетии, – брайдуэллом, или Домом коррекции. В зарубежной историографии исправительные дома рассматриваются как *особый социальный институт*, созданный с целью борьбы с важнейшими социальными девиациями в Англии раннего Нового времени – бродяжничеством, мелким воровством и «преступлениями против нравственности». Первоначально брайдуэллы возникли как благотворительные заведения социальной помощи и реабилитации, что дает основание реконструировать ожидания законодателя, заложенные в социальный институт исправительных домов. Однако действительность вносила свои коррективы в благие намерения устроителей английской системы благотворительности и взаимопомощи, что привело к постепенной «мутации» института брайдуэлликов и сделало их неотъемлемой частью английской пенитенциарной культуры. Законом 1706 г. исправительные дома де-юре были включены в перечень видов уголовной репрессии.

Тюремное заключение не рассматривалось в качестве вида наказания, альтернативного высшей мере, до середины XVIII в. Карательный характер средневековой юстиции, нацеленной на скорейшее устранение преступника, не предполагал использование длительного заточения виновного. В эпоху Просвещения Англия вступила с динамично возрастающим тюремным населением и такими условиями заключения, что современники признавали тюрьмы «национальным позором». Негативный потенциал мест заключения – их способность порождать большее количество преступников – стал предметом внимания и репрезентации в художественной литературе, живописи, паремическом дискурсе. Очевидно, что тюремное заключение не могло рассматриваться в качестве действенной альтернативы высшей мере наказания уголовных преступников. Однако поворотным моментом стало фактическое слияние тюрем и брайдуэлликов к середине XVIII в., которое внесло в контент будущей реформы, с одной стороны, ключевую идею – исправления в заключении, с другой стороны – понимание необходимости сконструировать особое пространство, в котором ожидаемое исправление станет возможным.

Таким образом, вызревающий кризис действующего порядка уголовных наказаний осознавали как представители власти, так и общественные деятели. И пока первые придерживались экстенсивного пути и наращивали число «кровавых статутов», на уровне размышлений светской и духовной интеллектуальной элиты развернулись дебаты по вопросу необходимости кардинального изменения уголовного закона.

Во втором параграфе «*Отражение смысла и целей уголовного наказания в конце XVII–XVIII вв. в религиозном дискурсе эпохи*» исследуются ментальные и поведенческие паттерны, связанные с восприятием уголовного наказания, вершимого государством, в корреляции с догматом о «вечных мучениях» для грешников. Определяющей особенностью культурного контекста восприятия правосудия для англичан раннего Нового времени была твердая

убежденность в сопричастности Творца к земному правосудию и наказанию. Устрашение муками ада в стремлении обеспечить правопослушное поведение, характерное для средневековых практик, осталось в духовной и правовой традиции в рассматриваемый период. Всеведение Бога служило оправданием для уголовных репрессий как ретрибутивного ритуала и символического возврата «обиды», нанесенной Творцу, а виселица рассматривалась в качестве пролога небесной кары для грешников, отправной точки адовых мук, сулимых Священным Писанием. Истолкование причин возросшей преступности и последовавшего за этим «разбухания» «кровавого кодекса» в религиозных нарративах эпохи выразилось в констатации утраты Страха Божьего как страха закона и устрашения совести. Приверженцы *радикального пуританизма* остались верны средневековому предубеждению – если толпу не может обуздать проповедь, то пусть ужас террора проникнет в сердца.

Поворотным моментом, с точки зрения религиозного восприятия наказания, стало изменение ментальности английского общества в области бессознательного эмоционально-чувственного восприятия «вечного наказания». На фоне подъема арминизма и ослабления влияния радикального кальвинизма, одержимого предопределением, крепнет евангельская вера в возможность спасения через покаяние и обращение.

В третьем параграфе **«Идеология и практика исполнения уголовных наказаний в XVIII в.: консервативный нарратив»** рассматривается круг публицистических произведений, авторы которых, не задаваясь целью кардинально изменить существующую систему уголовных наказаний, призывали к неукоснительному соблюдению религиозных заповедей, укреплению морали и исполнению существующих статутов.

Узкий пласт сочинений и трактатов можно отнести к направлению *ультраконсервативного ретрибутивизма*. Сторонники теории возмездия и воздаяния видели единственный выход в усилении уголовной репрессии, причем высшая мера, как это ни парадоксально, более не соответствовала представлениям о действительно жестоких уголовных наказаниях. По мнению авторов, единственный способ предотвратить вред, наносимый преступниками, – прибегнуть к ужесточению телесных наказаний и увеличить террор казни.

Системное обоснование необходимости и достаточности действующего законодательства было предложено сторонниками правового консерватизма. Б. Мандевиль, братья Филдинги, М. Мэдан, У. Пейли, У. Ромейн и другие, не призывая к усилению жестокости, сходились на том, что только неукоснительное соблюдение существующих законов, какими бы суровыми они ни казались, спасет власть от дискредитации и станет эффективным средством превенции преступлений, как того ожидает законодатель, который закладывает эту норму в «кровавые статуты».

Таким образом, в XVIII в. английское уголовное правосудие и практики исполнения наказаний поступательно развивались под влиянием двух факторов – деградация института смертной казни и экспериментирование законодателей с альтернативными методами. Становится очевидным тот факт, что смертная казнь как воплощение понятия о земном и небесном наказании постепенно

утрачивает главные функции – устрашения и превенции повторных преступлений. Кризис уголовного права обнаружился в расхождении между законодательными нормами и исполнительным производством, внешним фактором влияния стала утрата возможности высылки преступников в американские колонии. Подобные противоречия не могли развиваться бесконечно, поэтому кульминационной точкой стала реформа уголовного правосудия и системы исполнения наказаний, которая и привела к зарождению пенитенциарных учреждений современного типа. Назревшая реформа должна была достичь триединой цели: возмездие, восстановление социальной справедливости и превенция потенциальных преступлений. Кроме того, решить проблему преступности необходимо было, не только максимально сохраняя жизнь преступникам, но и в географических границах британского острова.

В третьей главе **«Пенитенциарный статут 1779 г.: идейное содержание, теоретические конструкты и законодательное воплощение»** проведен анализ британских Статутов XVIII вв., оформивших сложившиеся идеологемы пенитенциаризма в первые правовые нормы и зафиксировавших границы нового социального института – исправительной тюрьмы-реформатория.

Первый параграф **«Идейный и нарративный повороты в интерпретации уголовного наказания в XVIII в.»** посвящен рассмотрению основных концептов теории пенитенциарного исправления, которые впоследствии сложились в устойчивую комбинацию английской пенитенциарной реформы. В течение XVIII в. общественное отношение к преступнику и узнику постепенно эволюционировало от пренебрежения и презрения к сочувствию и состраданию. Реформаторы второй половины XVIII в., охваченные «евангелическим приливом», старались рассматривать проблему преступности с общечеловеческих, гуманистических позиций. В качестве альтернативы «вечному наказанию» для грешников сторонники *нового евангелизма* предложили возможность покаяния и искупления, чем во многом определили идейную платформу будущей пенитенциарной реформы.

Исследование широкого круга источников показывает, что в XVIII в. в дискурс реформы прочно вошли концепты *«преступление как болезнь»*, *«наказание как врачевание»*. Просветительский оптимизм впечатляюще изменил образ мышления эпохи: человек стал восприниматься не только как венец творения, но и как некий механизм, который мог совершенствоваться. Бедность, аморальное и преступное поведение, пренебрежение к религии стали уподобляться социальным недугам, а болезни, как известно, можно и нужно было диагностировать, понять этиологию и пробовать «лечить». Стремление предпринять действенные меры по устранению социальных девиаций привело к институционализации системы благотворительности и породило первые заведения социальной помощи. Слияние исправительных домов с системой исполнения уголовных наказаний в начале XVIII в. привнесло в идеологию и методологию будущей тюремной реформы утопичные надежды на возможную коррекцию антиобщественного поведения и его прямых результатов – преступности, проституции, пьянства и прочих пороков – в условиях специализированных учреждений. Концептуальная схема, заложенная в принцип

действия исправительного дома, удивительным образом отвечала исканиям различных общественных и политических фракций. Гуманисты и реформаторы рассматривали этот институт как площадку для социальных преобразований; евангелисты с энтузиазмом полагались на коррекционные возможности религиозного перевоспитания и духовного перерождения в условиях исправительных домов. В то же время меркантильных прагматиков привлекала возможность использовать «реформируемых» на общественных работах, и даже сторонников ретрибутивизма вполне удовлетворял долгосрочный принудительный труд в качестве наказания.

Так, искусно сочетая медицинский тезаурус и евангельскую риторику, филантропы, врачи, реформаторы и политики постепенно подошли к вопросу о средствах и методах лечения социальных недугов. Признавая порочное или преступное поведение моральным изъяном, склонным к распространению, реформаторы поставили вопрос о необходимости изолировать «больного», чтобы предотвратить развитие недуга и приступить к излечению. С начала XVIII в. интеллектуалы и реформаторы высказывались за строгое разделение арестантов на категории и максимально возможную изоляцию, чтобы предотвратить порочное общение. Просветитель Дж. Хэнвей в трактате «Одинокое тюремное заключение» предложил схему тюрьмы-реформатория, в условиях которого возможна организация *исправительного заключения*. Если преступные наклонности – болезнь души, то реформаторий – место, а одиночество – условие ее излечения. Так парадоксальная и революционная для эпохи мысль – возможность существования такой системы наказания, главной целью которой станет исправление преступника и возвращение в общество честного гражданина, закрепляется в качестве стержневой идеи будущей реформы.

Модель одиночного тюремного содержания интерпретируется как *место и условие* исцеления порочной души, которое так жаждали обнаружить просветители и филантропы. В поисках *средства* «уврачевания» социальных пороков и воспитания добродетелей пенитенциарные реформаторы в очередной раз обратились к Писанию, чей авторитет в интеллектуальной и особенно нравственной жизни был неоспорим. В предметном поле библейского покаяния мыслители увидели *духовный потенциал исправления преступника*. Поэтому логичным и соответствующим духу Просвещения и христианского милосердия казалось выстраивание такой парадигмы уголовного наказания, фокусом которой станет возможность обращения преступника/грешника посредством достижения покаяния. К решению поставленной задачи были активно привлечены священнослужители, причем в таком количестве и с таким кругом полномочий, что в зарубежных исследованиях курсирует устойчивая метафора, сравнивающая движение за тюремную реформу с «одним из выдающихся крестовых походов».

Дальнейшее развитие намерений «врачевать» порочные нравы и преступное поведение подразумевало постоянный поиск «лекарств» от социальных девиаций – бедности, бродяжничества, долговых преступлений. Со времени вхождения брайдуэллов в систему наказания важное место в идейной платформе

будущей реформы занимает презентация *воспитательного потенциала принудительного труда* как способа восстановления добродетели и условие успешной ресоциализации.

Во втором параграфе *«Правовое оформление первой модели английского пенитенциария»* исследуются законодательные инициативы, направленные на совершенствование тюремного режима, которые имели место на протяжении всего XVIII в. Рассматриваемые отдельно, они не кажутся значительными, но проанализированные в комплексе еще раз подтверждают предположение о том, что не американская революция и внезапная потеря места ссылки побудили правительство к совершенствованию данного вида наказания. В течение века предпринимались последовательные меры, направленные на формирование государственной пенитенциарной службы, регламентацию религиозного служения и организацию медицинской помощи в тюрьмах и брайдуэллах.

С 1776 г. американский континент перестал принимать трансферы английских преступников. Лишившись привычного механизма «сбыта» криминальных элементов, английские власти стремительно приступили к решению вопроса за счет внутренних резервов с расчетом на скорейшую модернизацию системы уголовных наказаний. Экстренной мерой стал законопроект, который позволил судьям в качестве наказания, альтернативного смертной казни и высылке в колонии, приговаривать преступников мужского пола к содержанию на плавучих тюрьмах с использованием их труда на верфи. Судебная практика показала, что данная мера наказания оказалась востребованной, но, по понятным соображениям, временной и ограниченной в применении.

Альтернативный законопроект – *Билль о принудительном труде* – предполагал беспрецедентно масштабное возведение специализированных учреждений – *Домов труда* по всей стране, максимально приближая место исполнения наказания к месту вынесения приговора. Проект Билля не воплотился в законе, однако, с точки зрения истории идеи, стал некой квинтэссенцией целого комплекса намерений, компактно соединил все философско-правовые и религиозные искания мыслителей и реформаторов предшествующего поколения: наказание, исправление, выгоду.

Принятый в 1779 г. первый *Пенитенциарный статут* зафиксировал радикальный концептуальный поворот в эпистемологии наказаний: «одиночное заключение, сопровождаемое надлежаще организованным трудом и религиозным обучением станет средством Провидения не только к удержанию других от совершения подобных преступлений, но и к перевоспитанию и приучению к привычке трудиться»⁷⁶. Так удивительно точным языком нормативно-правового акта более чем двухсотлетний путь английских интеллектуалов в поисках новой парадигмы уголовных наказаний был воплощен в норму, зафиксировавшую ожидания законодателя.

В третьем параграфе *«Институционализация пенитенциарного содержания как меры уголовного наказания»* показаны первые пореформенные

⁷⁶ An Act to explain and amend the Laws relating to the Transportation, Imprisonment, and other punishment, of certain Offenders, 1779. 19 Geo. III, c.74.

десятилетия, когда структуре пенитенциария предстояла интеграция в социокультурное пространство Англии. Чтобы переход к новой национальной пенитенциарной системе состоялся, местные власти, далекие от парламентских споров и политической ажитации в столице, в конечном счете должны были не только уяснить обновленную философию наказания, но и убедиться в том, что предлагаемая пенитенциарная модель оправдана с точки зрения огромных финансовых вложений, которых она требовала. Институционализация пенитенциарного содержания выражалась, с одной стороны, в поиске идеальной пространственной организации, призванной обеспечить наказание-исправление, с другой – в дальнейшей нормативной регламентации режима содержания. Практикующему тюремному архитектору конца XVIII в. У. Блэкберну удалось воплотить идеи реформаторов в конкретных зданиях. К началу XIX в. настоящим трендом становится радиальный план тюремного комплекса, на котором размещение ключевых объектов было выстроено «лучами», расходящимися от административного центра, что позволяло обеспечить одновременно функции контроля и разобщения.

В рамках первых пенитенциарных преобразований конца XVIII – начала XIX вв. можно констатировать оформление нового социально-правового *института тюремных капелланов*. Религиозное обучение понималось реформаторами условие перевоспитания и успешной ресоциализации. Во всех пенитенциарных заведениях, возведенных или перестроенных в послереформенные десятилетия, были созданы условия для религиозного обучения, в тюремные режимы внесены положения, которые коррелировали срок и условия содержания со степенью «духовной реабилитации» арестанта, констатировать которую мог исключительно тюремный капеллан. Дальнейший этап институционализации пенитенциарного содержания связан с деятельностью первых общественных филантропических организаций тюремного попечительства. В Великобритании ядром этого движения становятся адепты «Религиозного общества друзей».

В 1823 г. с принятием Статута «О вынесении смертного приговора», который отменял высшую меру практически за все преступления, кроме государственной измены и убийства с отягчающими обстоятельствами, летопись «Кровавого кодекса» можно было считать завершенной. В этом же году практически сразу был принят новый Пенитенциарный акт, который правоведы считают основополагающим нормативным актом в истории английского тюремоведения.

Таким образом, в последней четверти XVIII в. генезис базовых идеологем пенитенциарного содержания в английской просвещенческой мысли был практически завершен, и в первой четверти XIX в. страна приступила к их практическому воплощению в первые пенитенциарные модели.

В четвертой главе **«Американские пенитенциарные модели: теоретико-методологические основы и практика»** рассматривается имплементация основных концептов исправительного заключения в первые прогрессивные тюремные модели и опыт проведения пенитенциарной реформы на американском континенте.

В первом параграфе *«Уголовные наказания в английских колониях: законодательство и практики»* анализируются практики уголовных наказаний колониальной Америки XVII – начала XVIII вв. Собственной правовой системы колонии не выработали, уголовное правосудие вершилось на основе британских уголовных статутов и механизмов англосаксонского прецедентного права. Основные признаки кризиса, поразившего систему исполнения наказаний Великобритании, затронули колониальные практики уголовной репрессии.

Война за независимость 1775–1783 гг. и необходимость построения новой государственности представили шанс, которого были лишены европейские страны, – возможность социальной инженерии «с чистого листа». Активные политические деятели в стремлении показательно дистанцироваться от «тяжелого наследия колониального режима» с энтузиазмом инициировали многообразные долгосрочные социально-политические эксперименты. Прогрессивные гуманистические идеи английского Просвещения подготовили теоретическую и идеологическую основу пенитенциарных преобразований.

Второй параграф *«Пенсильванская пенитенциарная модель: теория и практика одиночного содержания»* посвящен анализу опыта создания модели «молчания и разобщения» как уникальной попытки интеграции гуманистических идей английских интеллектуалов, теологии «Религиозного общества друзей» и правовой традиции бывшей колонии, управляемой У. Пенном. Активисты движения за реформирование Уголовного кодекса Пенсильвании и члены местной общины квакеров объединились в *Филадельфийское общество облегчения ужасов общественных тюрем*. Члены общества выразили коллективную приверженность принципу одиночного келейного заключения. Теологическое обоснование необходимости духовного одиночества на пути раскаяния и покаяния вытекало из религиозных принципов квакеров. Американским вкладом-новацией в идейно-теоретические основы одиночной системы содержания стали воззрения и практические наработки «отца американской психиатрии» Б. Раша, который превратил девиантное поведение в медицинский диагноз и настоятельно рекомендовал лечить леность – выучкой и трудом, а буйность – одиночеством. Активисты общества сформировали правила новой тюремной дисциплины, основанной на строгом разделении заключенных, обеспечении полной тишины, условий для чтения Библии и простого труда.

Законодательная инициатива Филадельфийского общества привела к появлению «Дома покаяния», который стал первой тюрьмой, на практике воплотившей обозначенные принципы уголовного наказания. В 1820-е гг. в Пенсильвании возвели два знаменитых пенитенциария по «системе молчания и разобщения» – Западный в Питсбурге и Восточный в Черри-Хилл, который стал самым большим и дорогостоящим общественным зданием тех времен.

Пенсильванцы гордились своим «пенитенциарным экспериментом», не упуская возможности его популяризации, и в первой половине XIX в. филадельфийские тюрьмы стали объектом пристального интереса европейцев. К середине XIX в. модель «молчания и разобщения» получала все больше критических отзывов: настораживал стабильно высокий процент душевных

расстройств, сумасшествий и суицидов арестантов на почве постоянного одиночества. Весомым аргументом против пенсильванской системы стала запредельная стоимость организации пенитенциарного содержания на указанных принципах. Предложение соседним штатом Нью-Йорк альтернативной модели тюремного содержания с показательной рентабельностью побуждало предприимчивых американцев к очевидному выбору.

Третий параграф *«Нью-Йоркская пенитенциарная модель: теория и практика принудительного труда»* описывает модернизацию сферы исполнения наказаний в штате Нью-Йорк. В первой государственной тюрьме штата – Ньюгейт, построенной по проекту просветителя и филантропа Т. Эдди, устроители попытались внедрить базовые принципы «системы Говарда»: сочетание принудительного труда и программ религиозного обучения. Запуск Ньюгейта выявил первые противоречия: краткосрочное пребывание в тюрьме не позволяло большинству заключенных освоить даже стадию ремесленного обучения, не говоря уже о трудовой реабилитации в полной мере. На грани провала оказалась и программа нравственного перевоспитания: надзиратели не могли контролировать общение между сокамерниками в темное время суток, результатом сговора часто становился демонстративный отказ от работы, что отрицательно влияло на общую дисциплину и превращало Ньюгейт в ту самую «академию преступлений», против которой была настроена филадельфийская система одиночного содержания. В сложившихся условиях был в очередной раз поставлен и положительно решен вопрос *о возобновлении телесных наказаний в тюрьме* как меры дисциплинарного воздействия. Возврат к системе карательной юстиции вызвал неоднозначную реакцию общественности.

В 1816 г. был поставлен вопрос о расширении сети исправительных пенитенциарных учреждений. При проектировании новой тюрьмы был заимствован главный принцип нью-йоркской пенитенциарной традиции, позволявший вывести тюрьму на самоокупаемость, – принцип совместного дневного труда в общих мастерских. Тюрьма в местечке Оберн стала своего рода гибридом пенсильванского режима одиночного содержания и опытов Ньюгейта по организации коллективного труда.

Обернская пенитенциарная модель быстро набирала сторонников. Шаблон сочетания коллективного труда и одиночного ночного заключения, восходящий к проектам Говарда, был положительно воспринят просвещенной общественностью: труд как средство воспитания и одиночное заключение как идеальная среда для саморефлексии. От пенсильванского режима подобную модель выгодно отличала очевидная рентабельность: камеры для ночного разделения по площади были меньше и, следовательно, дешевле, а дневной труд в мастерских позволял со временем даже получать прибыль.

Отличительной чертой обернского режима стала строжайшая дисциплина, основанная на обеспечении *абсолютной тишины*, за нарушение которой следовало наказание. Режим содержания, который установился в пенитенциарии к середине 1820-х гг. – тяжелый дневной труд, соблюдение строжайшей дисциплины, практика телесных наказаний, нуждался в серьезной идеологической поддержке, которую обеспечило Бостонское общество

тюремной дисциплины. Активное привлечение религиозных деятелей к исправительной реформе поднимало ее рейтинг в зеркале общественного мнения. Именно в Оберне тюремный капеллан впервые стал неотъемлемой частью штата американской тюремной администрации: служители культа способствовали упрочению тюремной дисциплины, поднимали статус обернской системы, поддерживали позитивный имидж пенитенциарных преобразований.

Пенсильванские и нью-йоркские тюремные реформаторы на десятилетия превратились в религиозных и политических оппонентов, но результатом этой полемики становилось постоянное совершенствование своих моделей. Открытая дискуссия только подогревала интерес к американскому пенитенциарному эксперименту: Оберн и Черри-Хилл в 1840–1860-е гг. превратились в объекты настоящего паломничества европейских реформаторов. Англия, Франция, Германия, Швеция, Голландия, Швейцария и Италия присылали чиновников и энтузиастов для изучения передового пенитенциарного опыта. Противостояние пенсильванской и обернской тюремных моделей вскоре приобрело трансатлантический характер, когда каждое европейское государство, провозгласив курс пенитенциарных реформ, делало выбор в пользу одной из моделей или на их основе конструировало подходящий национальный вариант.

Мировой резонанс пенитенциарных экспериментов, которые в корне изменили представления о методах и средствах тюремного заключения, привел к тому, что *пенитенциаризм* как гуманистическая доктрина, идеология и метод социальной инженерии постепенно приобретал характер широкого международного движения.

В **заключении** обобщены результаты проведенного исследования. Английское общество Нового времени переживало медленное и постепенное вытеснение старых институтов и становление новых социальных отношений. Историческая уникальность периода второй половины XVII – начала XVIII вв. определялась как происходившими бурными преобразованиями в экономике и стремительным формированием капиталистических отношений, так и противоречивой политической и религиозной обстановкой, что, в свою очередь, вело к рельефным изменениям в духовно-мировоззренческой сфере.

В течение всего XVIII столетия Англия пыталась защитить себя от патологического поражения общества, выражавшегося в отступлении части его членов от общепринятых норм, закрепленных в кодексе, который последующие поколения недвусмысленно окрестили «кровавым». Эскалация карательных мер правосудия в Англии привела к тому, что на повышение уровня и усложнение структуры преступности «Кровавый кодекс» симметрично отзывался новым статутом, в очередной раз расширявшим сферу применения смертной казни. Системный кризис ретрибутивного правосудия проявился в расхождении между законодательными нормами и исполнительным производством и обострился на фоне неожиданной утраты возможности высылки английских преступников в американские колонии.

Феномен преступности и методы борьбы с девиантным поведением становятся предметом особого интереса английской общественной мысли исследуемой эпохи. Уголовное наказание с древнейших времен рассматривалось

как неотъемлемый элемент государственного управления, именно за государством признавали право выступать в качестве субъекта карательной власти, поэтому авторы адресовали свои петиции, проекты, записки, прокламации, трактаты и даже ультиматумы структурам государственной власти. Сторонники ретрибутивизма ожидали и требовали от государства на разгул преступности отвечать усилением карательной линии и строгим следованием законодательству, что, в свою очередь, должно было обеспечить превентивную дидактическую функцию. Подобный дискурс стал основой печатных проповедей, продвигавших парадигму террора, и чем больше улицы Лондона наводняли преступники и бродяги, тем громче звучал призыв «ужаснуть дерзких грешников, сдержать и погасить их страсти». И если угроза Судного дня более не имеет должного влияния на умы закоренелых грешников, необходимо прибегать к человеческим судилищам, где наказание будет очевидным и наглядным. Сторонники умеренного консервативного реформизма не считали сферой своей компетенции изменение существующего уголовного кодекса, а все проекты и предложения сводили к совершенствованию исполнительного правосудия и существующих пенальных практик.

Однако, несмотря на то что английская юридическая система следовала ретрибутивной традиции практически на протяжении трех четвертей XVIII столетия, век Просвещения уверенно вступал в свои права, на смену строгому пуританизму, с его догмами о неотвратимости вечного наказания, постепенно приходил новый евангелизм, с искренней верой в то, что милосердие Всевышнего бесконечно, а человеческая природа может и должна быть исправлена. Просвещение последовательно вплетало новые религиозные идеалы в повседневные практики, в результате чего даже рядовой англичанин «непреодолимо тянулся к служению человеку». Социальный оптимизм, основанный во многом на христианском милосердии, стал характерной чертой филантропических проектов эпохи Просвещения.

Английские интеллектуалы инициировали множество проектов преобразования природы человека и общества. Ожидаемая реформа уголовного закона и системы наказаний призвана была не только решить проблему роста преступности, максимально сохраняя преступнику жизнь, но и достичь в итоге его успешной ресоциализации – приспособления и адаптации к действующим в обществе нормам. Выбор реформаторов пал на *тюремное заключение*, которое им еще предстояло институционализировать под заданные условия.

Отличительной особенностью социального конструирования в области уголовных наказаний стало оформление основным идеологом пенитенциарного содержания «вне права» и «вне государства» – в смысловом поле философских рассуждений, общественно-политической полемики, социальной публицистики и протестантской морали. Британские интеллектуалы поставили конкретные социально-философские вопросы, на которые сами же ответили практическими предложениями и цельными проектами. Как организовать превентивно-воспитательную работу с массами, чтобы оградить их от соблазнов коммерческого общества и предотвратить вступление на путь порока и преступлений? Как усовершенствовать правоохранительную деятельность,

чтобы ее эффективное функционирование стало гарантом справедливости в отношении потенциальных и реальных преступников, а также их жертв? И, наконец, каким образом организовать систему наказаний, чтобы достичь профилактики рецидива и, не устранив преступника физически, способствовать его духовному перерождению и ресоциализации? Отвечая на эти вызовы, мыслители, публицисты, парламентарии, проповедники аккумулировали широчайший спектр идей, которые, конкурируя друг с другом, сливались в единый интеллектуальный тренд пенитенциаризма, в русле которого зародилась будущая реформа уголовного закона и системы исполнения наказаний.

С опорой на рационалистический подход девиантность была проанализирована как социально-психологическое явление, описана в терминах медицинского дискурса с соответствующими рекомендациями к излечению и профилактике. Причины социальных девиаций и противоправного поведения реформаторы пытались объяснить отступлением части членов общества от общепринятых норм, под которыми в первую очередь понимали нормы религии и нравственности и только во вторую – нормы уголовного закона. Неудивительно, что идейным источником эффективных методов общественной терапии стала система ценностей английского протестантизма.

Сторонники новой прогрессивной парадигмы уголовного наказания придерживались принципа *исправления наказанием*. Воплощение этого принципа в жизнь виделось английским мыслителям только при одном обязательном условии: создании специально организованной управляемой среды, в условиях которой девиации могут быть устранены, поведение человека – усовершенствовано, желанное искупление и возвращение в общество честного человека – возможны. По медицинским соображениям такая среда конструировалась в обязательной изоляции от общества, чтобы предотвратить распространение порока и создать все условия для ожидаемого покаяния. Тюремное заключение подходило сразу под несколько условий, заданных реформе историческим контекстом, однако необходимо было разграничить новое понимание социальной изоляции от тюремного удержания в карательных целях. В процессе освоения новых идей, в результате смещения опыта прошлого и ожиданий от будущего происходило формирование основных понятий современного пенитенциарного дискурса. Ключевое понятие *пенитенциарное содержание*, терминологически восходящее к церковному покаянию и наказанию – епитимье, которую трактовали в том числе как духовное лекарство, врачебную меру, предпринимаемую с целью излечения, определило границы новой социальной структуры – исправительной тюрьмы-реформатория.

Первый пенитенциарный статут 1779 г., обозначивший новую парадигму уголовных наказаний, нормативно определил пенитенциарий как специально организованную управляемую среду – *место и условие исправления*, а постижение религии и истинно протестантской добродетели труда – как основные *средства* реформирования преступного поведения.

Великобритания первой из европейских стран представила обновленную парадигму исполнения уголовных наказаний, но с одной существенной

особенностью – это был теоретический конструкт новой социальной структуры, созданный в результате абстракции, некоторой идеализации действительности и с долей пренебрежения к практической стороне вопроса. Основные идеологемы пенитенциаризма были восприняты и реализованы в первые тюремные модели на другом континенте – в Северной Америке.

Протестанты-квакеры штата Пенсильвания предложили и реализовали такую практику тюремного содержания, при которой преступник/грешник получал возможность покаяния и искупления в условиях *одиночного заключения*. В первом пенитенциарии – «Доме покаяния» квакеры пытались воссоздать ту среду, которая могла бы стать местом и обстоятельством, где человек сможет установить невероятное соединение с Богом, осознать свои преступления и, испытав «сокрушительное покаяние», вернуться в общество высокоморальным и честным гражданином. Однако результаты первых практик содержания по пенсильванской системе оказались спорными. Оказалось, арестанты не были готовы или не выражали потребности в «ежеминутной и постоянной духовной работе над собой, в стремлении подавить свои злые наклонности и очистить свою собственную жизнь» в стенах пенитенциария. Кроме того, устройство реформаториев по системе «молчания и разобщения» стало бременем для государства и налогоплательщиков.

Альтернативная обернская пенитенциарная модель, основанная на широком применении системы принудительного труда и строжайшей дисциплине, быстро набирала сторонников в первую очередь ввиду явной экономической рентабельности. В короткие сроки большинство американских штатов сделали выбор в пользу этой модели тюремного содержания. Но обернская практика также не осталась в стороне от подробного анализа и дискуссионных оценок. Жесткий контроль, дисциплинарные меры вплоть до возвращения телесных наказаний, тяжелый труд на рудниках, в шахтах, на общественных объектах стигматизировали модель «заключение в сочетании с принудительным трудом» как исключительно репрессивную, без учета исправительного назначения.

Дальнейшие дебаты по поводу идеального тюремного режима от десятилетия к десятилетию уходили все дальше от религиозных концептов, фундировавших доктрины пенитенциаризма на начальном этапе их становления. Покаяние эволюционировало в *перевоспитание* и *исправление*, искупление – в *ресоциализацию*, назидание и устрашение – в *превенцию* и *профилактику*, воздаяние – в *восстановление социальной справедливости*. Государственные деятели подсчитывали издержки, затрачиваемые на возведение, содержание и охрану пенитенциариев, архитекторы спорили о строительных решениях, пенологи анализировали показатели рецидива «выпускников» пенитенциариев различных дисциплинарных практик. Со временем реформирование системы уголовных наказаний практически полностью выходит из сферы интересов интеллектуалов и компетенции благотворительных религиозных обществ и становится сегментом управленческой политики государства.

Подводя итог, можно отметить следующее. Проведенное комплексное исследование достаточно широкого и разнопланового корпуса исторических

источников XVII – начала XIX вв., многие из которых впервые введены в научный оборот, представило возможность вычленить и описать базовые идеологемы пенитенциаризма, сложившиеся в интеллектуально-политическом дискурсе английского Просвещения, впоследствии трансформированные в принципы современного пенитенциарного законодательства. Английские интеллектуалы и американские практики, обобщив идейные основы *рациональной системы мер борьбы с преступностью*, положили начало концептуальному обновлению уголовно-исполнительного права и переходу от карательной традиции к пенитенциарной системе современного типа, оказав значительное влияние на мировую пенитенциарную практику.

История англо-американской пенитенциарной политики в Новое время – показательный пример достижений и просчетов в области поиска необходимого баланса между карой и исправлением арестанта, задачей духовно-нравственной реабилитации и трудовым воспитанием, условиями содержания и рентабельностью исправительных учреждений. Социально-философская мысль задала матрицу будущей социальной структуры современной тюрьмы-реформатория, серией законодательных актов пенитенциарий получил нормативное оформление действующего социального института. Первые практики пенитенциарного содержания обозначили разрыв в намерениях одних исторических акторов и поведении других. Индивиды и группы активно изменяли заданную в теории социальную структуру в соответствии со своими нуждами, желаниями или под принуждением обстоятельств, что, в свою очередь, привело к тому, что пенальные практики стали источником изменения норм, заложенных в институт современной тюрьмы.

Большинство европейских стран не прошли через этап идейно-теоретического становления тюрьмы как социального института, а воспользовались рецепцией уже готовой англо-американской модели, генезис которой представлен в данном исследовании. Оформление пенитенциаризма в масштабное международное движение в XIX в. и интернационализация пенитенциарных практик способствовали дальнейшему совершенствованию исполнения наказания в виде лишения свободы. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, закрепившие современные пенитенциарные нормы: разбивка арестантов по категориям, основы тюремной статистики, бытовые условия (помещение, одежда, питание), дисциплинарные практики, доступ к благам религии и образования, трудовая деятельность, медицинское обслуживание, кодекс этики государственных пенитенциарных служащих, в точности воспроизвели базовые принципы пенитенциарного содержания, актуализованные английской просвещенческой мыслью.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии:

1. Васильева С.А. «В темнице был, и вы пришли ко Мне...»: история зарождения практики тюремного служения в протестантской традиции и его влияние на ход пенитенциарных реформ в Америке, Европе и России: монография. М.: Академия ФСИН России ; Проспект, 2019. 184 с. (11,5 п. л.)
2. Васильева С.А., Эрлихсон И.М. Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века: очерки интеллектуальной истории. СПб.: Алетейя, 2020. 484 с. (30,3/18 п. л.)
3. «Культура Духа» vs «Культура Разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.): коллективная монография М.: Аквилон, 2022 (в печати). (авт. участие 1,5 п. л.)

Статьи в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

4. Васильева С.А. Элизабет Фрай – «ангел тюрем»: деятельность британского филантропа и реформатора в оценках современников // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2015. № 3. С. 143–148. (0,7 п. л.)
5. Васильева С.А. «Общество друзей» и трансформация системы исполнения наказаний в XVIII веке // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории, 2015. Вып. 53. С. 239–247. (0,9 п. л.)
6. Васильева С.А. Рационалистическая теология английских протестантов XVIII века и ее влияние на уголовное правосудие // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8, № 2. С. 32–39. (0,8 п. л.)
7. Васильева С.А. Идеология квакеров и возникновение филадельфийской системы тюремного содержания // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2015. № 4 (49). С. 64–74. (0,8 п. л.)
8. Васильева С.А. Попытка создания «тюремного Эдема»: деятельность Томаса Эдди на посту директора первого государственного пенитенциария Нью-Йорка на рубеже XVIII–XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2016. № 1. С. 61–65. (0,7 п. л.)
9. Васильева С.А. «Благими намерениями вымощена дорога в ад»: история создания первой государственной тюрьмы Нью-Йорка // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2016. № 2. С. 34–40. (0,6 п. л.)
10. Эрлихсон И.М., Васильева С.А. К вопросу об отношении общества к преступности (по материалам английской публицистики первой трети XVIII века) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2016. № 3 (52). С. 48–58 (0,8/0,4 п. л.)
11. Васильева С.А. Проблемы реформирования английской системы уголовных наказаний в памфлете Б. Мандевиля «Расследование причин участвовавших казней в Тайберне» // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3 (251). С. 114–120. (0,9 п. л.)

12. Васильева С.А. Реформирование женского тюремного заключения в условиях пенитенциарных преобразований в США в XIX веке // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 94–102. (0,65 п. л.)

13. Васильева С.А. Христианская этика как интеллектуальный источник британских тюремных реформ XVIII века // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2017. Вып. 61. С. 191–203. (1,0 п. л.)

14. Васильева С.А. «Теология тюрьмы» в проповеднической деятельности американских тюремных капелланов в начале XIX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 2. С. 5–12. (0,8 п. л.)

15. Васильева С.А. Издание «Проповеди для заключенных» 1790 года как первое руководство для тюремных капелланов // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 278–289. (0,9 п. л.)

16. Васильева С.А., Эрлихсон И.М. «Новая культурная история» (о перспективах методологии «интеллектуальной истории» и «истории социальных практик» в междисциплинарных историко-педагогических исследованиях) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2017. № 3 (52) С. 48–56. (0,8/0,6 п. л.)

17. Васильева С.А. «Око Господа»: миссия пуритан в становлении практики одиночного тюремного содержания в конце XVIII – начале XIX вв. // Известия высших учебных заведений. Сер. Гуманитарные науки. 2017. Т. 8. Вып. 3. С. 176–180. (0,6 п. л.)

18. Васильева С.А. Пенитенциарный проект английского просветителя Джонаса Хэнвеля // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 101–112. (0,8 п. л.)

19. Васильева С.А., Эрлихсон И.М. Христианское мировоззрение как источник изменений в системе уголовного наказания в Великобритании в XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 74–81. (1,0/0,7 п. л.)

20. Эрлихсон И.М., Васильева С.А. Идеология консервативной альтернативы реформы английского уголовного правосудия в XVIII веке // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2018. Вып. 63. С. 61–76. (1,0/0,5 п. л.)

21. Васильева С.А. Религиозный дискурс в ранней полемике американских реформаторов пенитенциарной системы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2018. Вып. 2. С. 216–222. (0,7 п. л.)

22. Васильева С.А. «Вечное наказание» как регулятор противоправного поведения англичан в раннее новое время // Вестник Владикавказского научного центра. 2019. Т. 19, №. 1. С. 42–46. (0,7 п. л.)

23. Эрлихсон И.М., Васильева С.А. «Мельница для перемалывания негодяев...» (раскаianie как ключевая категория трансформации английского уголовного правосудия в XVIII столетии) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2019. Вып. 66. С. 137–153. (1,0/0,5 п. л.)

24. Васильева С.А. Концепт «преступление как социальная болезнь» в дискурсе пенитенциарных реформ XVIII в. [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 4 (78). (1,0 п. л.)

25. Васильева С. А., Картушина Н. В. Апологетика телесных и душевных страданий как меры уголовного наказания в эпоху «Кровавого кодекса» в Англии в XVIII в. [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 4 (90). (0,9/0,7 п. л.)

26. Васильева С.А. Уильям Иден в парламентской борьбе за изменение уголовного закона // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории, 2020. Вып. 73. С. 99–111. (0,9 п. л.)

27. Васильева С.А. Организация труда осужденных: история идеи в английской общественной мысли XVI–XVIII вв. // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2021. № 72. С. 115–122. (0,7 п. л.)

28. Васильева С.А. Религиозные источники идеальной модели тюремного заключения в социально-правовом дискурсе конца XVIII – начала XIX вв. // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2021. Вып. 76. С. 347–357. (0,8 п. л.)

29. Васильева С.А. Проект «Устава о тюрьмах» Екатерины Второй. в контексте европейской пенитенциарной мысли // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 1. С. 168–184. (1,2 п. л.)

Статьи, тезисы докладов и сообщений на международных конференциях

30. Васильева С.А. Инновации в развитии женской тюрьмы США в конце XIX – начале XX в. // Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.Я. Гришко. Рязань, 2008. С. 45–48. (0,5 п. л.)

31. Васильева С.А., Тарасов О.А. Пенитенциарная реформа 1879 г. как составляющая часть либеральной модернизации России в эпоху Великих реформ // Российское общество и государство: актуальные проблемы на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / сост. и общ. ред. А.С. Тимощук. Владимир, 2009. С. 288–291. (0,4/0,25 п. л.)

32. Васильева С.А. Миграционные процессы XVIII–XIX вв. и их влияние на женское тюремное заключение // Государство и миграция: международные и национальные проблемы правового регулирования : сб. ст. Междунар. науч. конф. / отв. ред. О.А. Символоков. Рязань, 2009. С. 22–29. (0,5 п. л.)

33. Васильева С.А. Формирование и реализация уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века): оценка исторического опыта // Проблемы выбора средств предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы России : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.Ф. Лапшин. Вологда, 2012. С. 50–56. (0,5 п. л.)

34. Тарасов О.А., Васильева С.А. Возникновение идеи исправления наказанием и организация первых мест заключения исправительного характера

Российской империи // Пенитенциарная система России: история, современность и перспективы развития в гражданском обществе (на примере Северо-Кавказского региона) : материалы Междунар. научн.-практ. конф. Ставрополь, 2012. С. 126–131. (0,4/0,2 п. л.)

35. Васильева С.А. Создание института тюремного духовенства в уголовно-исполнительной системе: проблемы и пути решения // Государство, общество и церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XV Междунар. науч. конф. Иваново, 2016. С. 55–60. (0,4 п. л.)

36. Васильева С.А. К вопросу об истоках пенсильванской пенитенциарной системы // Актуальные вопросы экономики, права и образования в XXI веке : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.А. Тихонова, А.А. Цененко. М.: Московский университет им. С.Ю. Витте. 2016. С. 97–101. (0,4 п. л.)

37. Васильева С.А. Генезис пенитенциарных систем в европейских странах: многообразие методологических подходов // Европа: актуальные проблемы этнокультуры. Древность, средние века, новое и новейшее время : материалы IX Междунар. науч.-теорет. конф. / Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. Минск: РИВШ, 2016. С. 57–60. (0,45 п.л.)

38. Васильева С.А. Организация службы тюремных капелланов в европейских странах в середине XIX века // Актуальные проблемы изучения и преподавания всеобщей истории в школе и вузе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. М.В. Жолудов ; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина. Рязань, 2017. С. 91–94. (0,3 п. л.)

39. Васильева С.А. О предотвращении преступлений и преимуществах одиночного заключения: взгляд одного священнослужителя // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2017. С. 228–232. (0,3 п. л.)

40. Васильева С.А. Тюремная реформа как перманентная революция // Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. В.М. Доброштан, С.И. Бугашева, А.С. Минина. СПб., 2017. С. 63–67. (0,4 п. л.)

41. Васильева С.А. От истории норм к истории идей: к вопросу о новых методах исследования проблемы генезиса пенитенциарных реформ // Историческая психология и геополитика : материалы XLI Междунар. науч. конф. / под ред. С.Н. Полторака. СПб., 2017. С. 136–141. (0,4 п. л.)

42. Васильева С.А. От христианской педагогики к исправительно-трудовой и обратно (Изменение концептуальных основ исправления осужденных) // Государство, общество, церковь истории России XX–XXI веков : материалы XVI Междунар. науч. конф. Иваново, 2017. С. 324–328. (0,4 п. л.)

43. Васильева С.А. К вопросу о деятельности Бостонского общества тюремной дисциплины в первой половине XIX века // Актуальные вопросы экономики, права и образования в XXI веке : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.А. Тихонова, А.А. Цененко. М.: Изд-во Московского университета им. С.Ю. Витте, 2017. С. 213–217. (0,4 п. л.)

44. Васильева С.А. История одного миссионера: тюремное служение преподобного Луи Дуайта в американских тюрьмах первой половины XIX века // Religion – science – society: problems and prospects of interaction : mat. of the VII International Scientific Conference. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. С. 33–37. (0,35 п. л.)

45. Васильева С.А. Что значит «пенитенциарный»? (концептуальные основы европейских тюремных реформ XIX века) // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Рязань: РГУ им. С. А. Есенина, 2018. С. 309–312. (0,3 п. л.)

46. Васильева С.А. Император Александр I и квакерские проекты институционализации тюремного попечения по британским образцам // Российско-британские отношения: историческая ретроспектива и новая повестка дня : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 465-летию установления русско-английских отношений // The Newman In Foreign Policy. 2018. № 45 (89). С. 7–12. (0,7 п. л.)

47. Васильева С.А. «Вопрошатель» Дж. Беркли об организации принудительного труда осужденных // Россия и мир в новое и новейшее время – из прошлого в будущее : материалы XXV юбилейной ежегодной Междунар. науч. конф. СПб., 2019. С. 81–84. (0,4 п. л.)

48. Васильева С.А. «Паноптикум» И. Бентама: история одной идеи // Запад и Восток: история и перспективы развития : сб. ст. 30-й юбил. Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань, 2019. С. 507–510. (0,3 п. л.)

49. Васильева С.А. Религиозный контекст пенитенциарных реформ на Западе и в России: сравнительный анализ // Западный мир и Россия. Взаимодействие и восприятие культур в исторической ретроспективе : материалы Междунар. конф. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 124–127. (0,3 п. л.)

50. Васильева С.А. Исправление наказанием на примере европейских домов коррекции XVI–XVIII вв. // IV Междунар. пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тез. выст. и докл. участников. Т. 10. Рязань, 2019. С. 30–33. (0,4 п. л.)

51. Васильева С.А. «За полвека до Говарда»: записка о реформировании тюрем Томаса Брея // V Междунар. пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тез. выст. и докл. участников. Т. 7. Рязань, 2021. С. 47–53. (0,4 п. л.)

Статьи, тезисы докладов и сообщений на всероссийских конференциях и круглых столах

52. Васильева С.А. Реформы пенитенциарной системы в США и женское тюремное заключение в XIX в. // Новая и новейшая история Запада и Востока: новые подходы в исследовании и преподавании : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. М.В. Жолудов, Ю.И. Лосев. Рязань, 2007. С. 7–11. (0,4 п. л.)

53. Васильева С.А. «Велферизм» и реформы ювенальной юстиции в странах Запада в XIX – начале XX в. // Современные тенденции в исследовании и

преподавании новой и новейшей истории зарубежных стран : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. М.В. Жолудов, Ю.И. Лосев. Рязань, 2008. С. 7–11. (0,35 п. л.)

54. Васильева С.А., Тарасов О.А. Истоки и движущие силы пенитенциарных реформ в США в XIX в. // Современные тенденции в исследовании и преподавании новой и новейшей истории зарубежных стран : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. М.В. Жолудов, Ю.И. Лосев. Рязань, 2009. С. 8–10. (0,4/0,3 п. л.)

55. Васильева С.А. К вопросу о влиянии общественных и религиозных организаций США и Великобритании на процесс реформирования национальных пенитенциарных систем в XVIII–XIX в. // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.И. Лосева. Рязань, 2012. С. 20–24. (0,4 п. л.)

56. Васильева С.А., Тарасов О.А. Влияние международных тюремных конгрессов на пенитенциарные реформы в Российской империи // Современные тенденции в исследовании и преподавании новой и новейшей истории зарубежных стран: мат. Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.И. Лосева. Рязань, 2010. С. 209–213. (0,8/0,5 п. л.)

57. Васильева С.А. Влияние личности Екатерины II на возникновение идеи исправления наказанием в Российской империи // Личность в истории Нового и Новейшего времени : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Рязань, 2014. С. 26–28. (0,3 п. л.)

58. Васильева С.А. Гуманистические идеи протестантизма и их влияние на процесс реформирования британской тюремной системы в XVIII–начале XIX столетия // Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Рязань, 2015. С. 16–18. (0,3 п. л.)

59. Эрлихсон И.М., Васильева С.А. Мандевиль о реформировании уголовно-исполнительной системы (по материалам трактата «Исследование о причинах частых казней в Тайберне», 1725) // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время : IX Всерос. науч. сем. (к 85-летию профессора Е.В. Кузнецова). Арзамас, 2016. С. 91–96. (0,5/0,25 п. л.)

60. Васильева С.А. Образ «горнила страданий» как отличительная черта ментальности заключенных в тюрьмах США в начале XIX века // Историческая наука в XXI веке в фокусе современного гуманитарного знания: традиции, новации, преемственность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.Д. Поповой, О.Д. Поповой. Рязань, 2016. С. 93–96. (0,4 п. л.)

61. Васильева С.А. Христианская риторика первых реформаторов английской пенитенциарной системы // Актуальные проблемы интеллектуальной истории и гуманитарного знания в XXI веке : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. С.В. Демидова, А.С. Соколова. Рязань: РРОО ССАМ «Созвездие», 2016. С. 17–19. (0,4 п. л.)

62. Васильева С.А. Является ли история государства и права «становым хребтом» истории УИС? // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 21–25. (0,4 п. л.)

63. Васильева С.А. «Покровительственные общества составляют душу пенитенциарной системы...» // Перспективные направления научных исследований по истории УИС Российской Федерации : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 36–40. (0,3 п. л.)

64. Васильева С.А. «Дондеже исправится»: феномен исправительного дома как пенитенциарного учреждения на примере английских брайдуэллов // Преступление и наказание в истории государства и права России и зарубежных стран : сб. материалов Всерос. межвед. науч.-практ. конф. / отв. сост. К.А. Мурсалимов. СПб., 2019. С. 25–30. (0,4 п. л.)

65. Васильева С.А. Оценка наследия Джона Говарда в отечественной историографии // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. М., 2020. С. 77–81. (0,4 п. л.)

Статьи, тезисы докладов и сообщений на иных конференциях, семинарах и в периодических изданиях

66. Васильева С.А. Женская тюрьма в США и «первая волна» пенитенциарных реформ // Новая и новейшая история Запада и Востока: новые подходы в исследовании и преподавании : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. М.В. Жолудов, Ю.И. Лосев. Рязань, 2008. С. 18–27. (1,1 п. л.)

67. Васильева С.А. Миграционные процессы XVIII–XIX вв. и их влияние на женское тюремное заключение // Миграционное право: науч.-практ. и информ. изд. 2008. № 2. С. 37–39. (0,7 п. л.)

68. Васильева С.А., Тарасов О.А. Решение «женского вопроса» в рамках тюремных реформ XIX в.: по материалам международных пенитенциарных конгрессов // Гуманитарно-пенитенциарный вестник: науч.-публицист. альм. Вып. 3 / под ред. Ю.А. Реента. Рязань, 2008. С. 49–61. (1,0/0,7 п. л.)

69. Васильева С.А. К вопросу о подготовке реформы тюремной системы Российской империи во II половине XIX в. // Реформа уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : сб. материалов межвуз. науч.-практ. конф. Рязань: Академия ФСИН России, 2009. С. 62–68. (0,4 п. л.)

70. Васильева С.А., Тарасов О.А. Из истории вопроса о введении принципа раздельного содержания мужчин и женщин в местах лишения свободы в XIX в. // Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний : материалы науч.-практ. конф. / отв. ред. А.Я. Гришко. Рязань, 2009. С. 31–36. (0,5/0,3 п. л.)

71. Тарасов О.А., Васильева С.А. Особенности «второй волны» пенитенциарных реформ в Европе и США и ее влияние на изменение условий содержания осужденных женщин // Прикладная юридическая психология. 2008. № 2. 46–52. (0,8/0,5 п. л.)

72. Васильева С.А., Тарасов О.А. Идеология и практика тюремной реформы в США и ее влияние на пенитенциарные реформы XIX века в Европе и России // Зарубежный опыт исполнения уголовных наказаний : сб. науч. ст. Вып. 2 / сост. и ред. О.И. Макачук. М.: НИИ ФСИН России, 2010. С. 28–35. (1,0/0,6 п. л.)

73. Васильева С.А., Эрлихсон И.М. Роль конфессионального фактора в тюремных реформах Великобритании в конце XVIII – середине XIX века // Человек: преступление и наказание. 2015. № 2. С. 41–47. (0,8/0,7 п. л.)

74. Васильева С.А. «В темнице был, и вы пришли ко мне» (ранняя история пастырского тюремного служения в Англии) // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 148–153. (0,8 п. л.)

75. Васильева С.А. К вопросу о формировании гуманистических основ пенитенциарной педагогики // Прикладная юридическая психология. 2015. № 3. С. 106–111. (0,6 п. л.)

76. Васильева С.А. Участие общественных организаций в реформировании пенитенциарных систем в XIX веке (зарубежный и отечественный опыт) // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 2. С. 19–23. (0,6 п. л.)

77. Васильева С.А., Эрлихсон И.М. Вопросы религиозного воспитания арестантов в материалах международных тюремных конгрессов XIX столетия // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 3. С. 65–69. (0,6/0,5 п. л.)

78. Васильева С.А. К 200-летию обернской пенитенциарной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2016. № 6. С. 7–12. (0,7 п. л.)

79. Васильева С.А. Генезис и эволюция системы исполнения наказаний в американских колониях XVIII столетия как основа прогрессивных пенитенциарных систем // Актуальные вопросы права, образования и психологии: сб. науч. тр. Вып. 4. Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2016. С. 3–10. (0,7 п. л.)

80. Васильева С.А. Репрезентация модели «земного чистилища» в памфлете Дж. Хэнвея «Одинокое тюремное заключение» // История, философия, педагогика, психология, право : сб. науч. статей с междунар. участием к 100-летию Российской революции 1917 г. Рязань, 2017. С. 18–22. (0,5 п. л.)

81. Васильева С.А., Тарасов О.А. «...соединение юридического наказания с теологическим мучительством...». К 230-летию пенсильванской пенитенциарной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 8. С. 2–8. (0,7/0,6 п. л.)

82. Васильева С.А. «Опередившие время»: концепция тюрьмы в английской общественной мысли XVIII столетия // Исторический опыт унификации: цели, идеи, воплощение : материалы конф. / отв. ред. Е.Н. Кириллова. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 26–31. (0,3 п. л.)

83. Васильева С.А., Тарасов О.А. Начало оформления правового статуса тюремного капеллана в Великобритании в конце XVIII – начале XIX века (к 245-летию возникновения института тюремных капелланов) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. № 10. С. 11–19. (0,7/0,6 п. л.)

84. Васильева С.А., Толченкин Д.А. Институт тюремного священнослужения в России: хронодискретное исследование // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 2. С. 201–210. (0,8/0,6 п. л.)

85. Васильева С.А. Концепция тюрьмы в английской общественной мысли и её воплощение в современных международных пенитенциарных стандартах // Феномен унификации в истории / отв. ред. Е.Н. Кириллова. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 223–236. (0,8 п. л.)

86. Васильева С.А. «Проба пера» интеллектуала во власти: неизвестный проект Джереми Бентама // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Сер. Альбионика. Вып. 5.* 2019. № 10. С. 115–126. (0,6 п. л.)

87. Тарасов О.А., Васильева С.А., Комерова И.В. Институционализация тюремной благотворительности в России в XIX веке (к 200-летию Правил для попечительного общества о тюрьмах 19 июля 1819 г.) // *Ведомости уголовно-исполнительной системы.* 2019. № 9. С. 51–60. (0,7/0,3 п. л.)

88. Тарасов О.А., Васильева С.А. В преддверии пенитенциарной реформы в России (к 150-летию учреждения сети исправительных арестантских отделений) // *Ведомости уголовно-исполнительной системы.* 2020. № 10. С. 62–71. (0,7/0,2 п. л.)

89. Васильева С.А. Британский след в истории российской тюремной благотворительности // *Россия между Западом и Востоком: традиции и перспективы развития диалога культур.* М.: ИВИ РАН, 2021. С. 280–290. (0,6 п. л.)